

Джон Гришэм

Парни из Билокси

Один город. Две враждующих семьи.
И решающее противостояние в зале суда.

Гришэм: лучшее

Джон Гришэм

Парни из Билокси

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гришэм Д.

Парни из Билокси / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2022 — (Гришэм: лучшее)

ISBN 978-5-17-155274-9

Когда-то в очаровательный курортный городок Билокси приехали двое молодых иммигрантов из Европы – нищих, но полных надежд на счастливую жизнь. И они добились успеха, пусть каждый по-своему: одному суждено было возглавить преступный мир Билокси, другому – стать окружным прокурором, полным решимости очистить Побережье от криминала. Так было положено начало войне между двумя семьями, продолжить которую предстоит их сыновьям. Хью Малко и Кит Руди, некогда лучшие школьные друзья, так же оказываются по разные стороны закона, что неизбежно приведет к столкновению в зале суда. Однако победителем оттуда выйдет лишь один из них...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-155274-9

© Гришэм Д., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	49
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джон Гришэм

Парни из Билокси

© Belfry Holdings, Inc., 2022

© Перевод. В. Антонов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события – исключительно плод воображения автора. Любое сходство с реальными событиями, местами действия и людьми – как живыми, так и мертвыми – совершенно случайно.

Часть первая

Детство

Глава 1

Сто лет назад Билокси являлся оживленным курортным и рыбацким городком на побережье Мексиканского залива. Из двенадцати тысяч его обитателей одни работали на верфях, другие – в отелях и ресторанах, но для большинства источником доходов служил океан. Рабочие были выходцами из Восточной Европы, в основном Хорватии, их предки веками ловили рыбу в Адриатике. Мужчины ходили в море на шхунах и траулерах, добывая морепродукты в Заливе, в то время как женщины и дети чистили устриц и упаковывали креветок, получая за свой труд по десять центов в час. В районе под названием Бэк-Бэй бок о бок работали сорок консервных заводов. В 1925 году из Билокси было отправлено в самые разные уголки страны двадцать миллионов тонн морепродуктов. Благодаря постоянно высокому спросу и не уступающему ему предложению город часто называли мировой столицей даров моря.

Иммигранты жили либо в бараках, либо в одноэтажных домах шириной в одну комнату. Эти строения располагались на Пойнт-Кадет – полуострове на востоке Билокси по другую сторону от пляжей Залива. Приехав в Америку из Польши, Венгрии, Чехии и Хорватии, их родители, бабушки и дедушки, старались как можно быстрее адаптироваться к обычаям и укладу своей новой страны. Дети, выучив английский, помогали овладеть им своим родителям и редко говорили дома на родном языке. Большинство славянских фамилий таможенники не могли выговорить и потому изменяли их на американский лад в порту Нового Орлеана и на острове Эллис. На кладбищах Билокси повсюду встречались надгробия с такими фамилиями, как Юркович, Хорват, Конович, Касич, Родак, Баббич, Перанич. Компанию им составляли могильные плиты, на которых значились Смит, Браун, О'Киф, Маттина и Белланд. Понятно, что на первых порах иммигранты старались держаться своих – так было легче защитить друг друга, – но уже ко второму поколению они стали вступать в смешанные браки с выходцами из Франции и всевозможными англосаксами.

Сухой закон был по-прежнему в силе и по всем южным штатам ревностно соблюдался праведными баптистами и методистами. Однако на Восточном побережье выходцы из Европы и католики относились к отказу от спиртного не столь трепетно. По сути, Восемнадцатая поправка к Конституции США, вводившая сухой закон, в Билокси никогда толком не действовала. Когда в 1920 году в стране воцарился сухой закон, Билокси этого практически не заметил. Его бары, забегаловки, притоны, местные пабы и высококлассные клубы не только не закрылись, но стали еще более популярными. В торговле спиртным из-под полы просто не было необходимости, поскольку оно продавалось повсюду и никого – а полицию в первую очередь – это не волновало. Билокси превратился в центр притяжения страдающих от «жажды» южан. Благодаря дивным пляжам, изумительно вкусным морепродуктам, мягкому климату и хорошим отелям туризм процветал. Сто лет назад побережье Мексиканского залива стало называться Ривьерой бедняков.

Как это обычно бывает, неконтролируемый порок становится заразным. К незаконной выпивке добавились азартные игры, потеснившие ее на ниве процветавшей противоправной деятельности. В барах и клубах возникли импровизированные казино. Они работали в открытую, и сыграть в покер, блек-джек или кости можно было повсюду. В вестибюлях фешенебельных отелей рядами стояли игровые автоматы, что, конечно, являлось вопиющим нарушением закона.

Бордели существовали всегда, однако их деятельность не афишировалась. Но в Билокси все было по-другому. Борделей там имелось много, и обслуживали они не только постоянных надежных клиентов, но и полицейских с политиками. Эти заведения находились в тех же зданиях, что и бары с игорными столами, так что молодому человеку, ищущему удовольствия, достаточно было просто зайти в одно из них.

Наркотики, в частности марихуана и героин, не предлагались столь же открыто, как секс и выпивка, однако найти их было несложно, особенно в салонах мюзик-холлов и в холлах отелей.

Журналистам часто было трудно поверить, что в таком религиозном и консервативном штате могут столь терпимо относиться к подобной незаконной деятельности. Они писали статьи о буйной и разгульной жизни в Билокси, но ничего не менялось. Казалось, никого из облеченных властью это не волновало. Преобладающей реакцией было: «Это же Билокси!» Правда, находились политики, бывшие тревогу и призывавшие бороться с преступностью, а также проповедники, обличавшие с церковной кафедры разгул, однако серьезных усилий по «очистке Побережья» никогда не предпринималось.

Самым большим препятствием на пути любых попыток навести порядок была укоренившаяся продажность полиции и выборных должностных лиц. Полицейские и помощники шерифа получали мизерную зарплату и с удовольствием брали наличные за то, чтобы закрывать глаза на происходящее. Местных политиков было легко подкупить, и они процветали. Все зарабатывали, все были довольны, так зачем портить то, что хорошо устроено? Никто не заставлял пьяниц и азартных игроков отправляться в Билокси. Если кому-то были не по душе здешние нравы, они могли остаться дома или отправиться в Новый Орлеан. Но если люди решали потратить свои деньги в Билокси, то могли быть уверены, что полиция их не побеспокоит.

Преступная деятельность получила мощный импульс к развитию в 1941 году, когда построили большую базу ВВС на месте, которое некогда занимал загородный клуб Билокси. Там же появился военный аэродром «Кислер», названный так в честь героя Первой мировой войны из Миссисипи, чье имя вскоре стало нарицательным и означало дурное поведение десятков тысяч солдат, готовящихся к отправке на фронт. Количество баров, казино, борделей и стриптиз-клубов резко возросло. Как и преступность. Полиция была завалена жалобами солдат на мошенничество с помощью игровых автоматов и рулетки, на махинации крупье, «коктейли с сюрпризом» и вороватых проституток. Поскольку владельцы хорошо зарабатывали, жалоб от них поступало мало, однако было много драк, нападений на их девушек, разбитых окон и бутылок из-под виски. Как всегда, полиция защищала тех, кто ей платил, и тюрьмы заполняли солдаты. По пути в Европу и на Тихий океан, а затем в Корею и Вьетнам их прошло через «Кислер» более полумиллиона.

Пороки Билокси были настолько прибыльными, что не могли не привлечь обычный набор персонажей из преступного мира: рецидивистов, уголовников, бутлегеров, контрабандистов, перевозчиков запрещенных спиртных напитков, аферистов, наемных убийц, сутенеров, бандитов и более амбициозный класс криминальных авторитетов. В конце 1950-х годов в Билокси обосновалась ветвь довольно рыхлой банды жестоких головорезов, прозванных мафией Дикси. Они намеревались установить границы своей территории и захватить часть преступного бизнеса. Владельцы клубов относились друг к другу настороженно и до появления мафии Дикси, но все они зарабатывали хорошие деньги и на жизнь не жаловались. Время от времени случались убийства и обычное запугивание, однако никаких серьезных попыток захватить власть никто не предпринимал.

Мафия Дикси имела мало общего с организацией «Коза ностра», если не считать схожих амбиций и жестокости. Она не была «семьей», и потому о лояльности говорить не приходилось. Ее члены – причем ФБР никогда не было точно известно, кто являлся ее членом, кто нет, а кто лишь говорил о причастности к ней, – были разрозненным сборищем плохих парней

и отморожков, которые предпочитали доход от преступных действий честному труду. Мафия Дикси не имела четкой структуры и иерархии. Никаких донов наверху и костоломов внизу с прослойкой бандитов средней руки между ними. Со временем одному владельцу клуба удалось консолидировать свои активы и получить большее влияние. Он и стал Боссом.

Мафию Дикси отличала приверженность к насилию, жестокость этих ребят нередко повергала в шок даже агентов ФБР. Весь путь развития группировки и продвижения на юг к Побережью был усеян немыслимым количеством трупов, и практически ни одно убийство так и не удалось раскрыть. В ней соблюдалась только одна нерушимая кровная клятва: «Ни слова копам». Тела тех, кто ее нарушил, находили либо в канавах, либо не находили вовсе. Ходили слухи, что с лодок, на которых вели промысел креветок, в глубокие теплые воды пролива Миссисипи сбрасывали обвешанные грузами трупы в двадцати милях от берега.

Несмотря на репутацию города, где царит беззаконие, преступность в Билокси находилась под неусыпным контролем владельцев злачных заведений с одной стороны и полиции – с другой. Со временем эти заведения сосредоточились в одном важном районе города, а точнее, на так называемом Стрипе – участке автострады номер 90 вдоль пляжа длиной в милю. Тут располагались казино, бары и бордели, и законопослушные граждане просто обходили его стороной. За пределами Стрипа жизнь оставалась нормальной и безопасной. Если кому-то были нужны проблемы, то найти их не представляло никакого труда. Как и держаться от них подальше. Билокси процветал благодаря дарам моря, судостроению, туризму, строительству и практической этике труда, носителями которой являлись иммигранты, мечтавшие о лучшей жизни. Город строил школы, больницы, церкви, автомагистраль, мосты, дамбы, парки, места отдыха и прочее, что было необходимо для улучшения жизни его жителей.

Глава 2

Соперничество началось с дружбы двух мальчиков, имевших много общего. Оба были внуками хорватских иммигрантов в третьем поколении, оба родились и выросли на Пойнте, как обычно называли Пойнт-Кадет. Их семьи жили через две улицы, и родители, бабушки и дедушки хорошо знали друг друга. Они ходили в одну и ту же католическую церковь, учились в одних школах, играли на одних и тех же улицах, пустырях и пляжах, а по выходным ловили рыбу с отцами в Заливе. Они родились в 1948 году с разницей в один месяц, оба были сыновьями молодых ветеранов войны, которые создали семьи, женившись по любви.

В Билокси спортивные игры Старого Света, которыми увлекались предки, не пользовались популярностью. Пустыри и площадки для игр предназначались для бейсбола, и только для него. Как и все мальчишки Пойнта, они начали бросать и отбивать мячи, едва научившись ходить, и в восемь лет с гордостью надели свою первую форму. Через два года их уже выделяли среди остальных и о них говорили.

Кит Руди, старший из двух (на двадцать восемь дней), был питчером-левшой с сильным броском и пугал отбивающих бэттеров своей исступленностью. Отбивал он тоже с левой стороны и, когда его не было на питчерской горке, находился там, куда его ставили тренеры: на дальнем поле, второй или третьей базе. Из-за отсутствия ловушки-перчатки для левшей он научился ловить и отбрасывать мяч своему игроку, а также бросать его правой рукой.

Хью Малко был питчером-правшой и посылал мяч даже с большей силой и точностью. С расстояния сорока пяти футов ему было страшно смотреть в лицо, и большинство десятилетних бэттеров предпочитали отсиживаться на скамейке запасных. Поскольку большинство питчеров в этом возрасте были правшами, тренер убедил его замахиваться с левой стороны. Именно так бросали и Бэйб Рут, и Лу Гериг, и Стэн Мьюзайл. Микки Мантл, конечно, мог бросать с обеих сторон, но он был янки. Тренировать Хью было легко – он выполнял все указания и хотел побеждать.

Бейсбол был их миром, а теплая погода на Побережье позволяла играть почти круглый год. Команды Малой лиги формировались в конце февраля и начинали игры в середине марта: две игры в неделю в течение как минимум двенадцати недель. Регулярный сезон завершался чемпионатом города, после которого начинались уже серьезные игры с участием всех звезд. Билокси доминировал в плей-офф штата, и ожидалось, что он попадет на региональный турнир. Пока еще ни одной команде Билокси не удавалось попасть на большое шоу в Уильямс-порте, однако из года в год надежды на это не теряли.

Церковь была важна, во всяком случае, для родителей, бабушек и дедушек, но для самих мальчишек не было ничего важнее бейсбольной команды «Сент-Луис кардиналс». В южных штатах не было профессиональных команд Высшей лиги. Радиостанция КМОХ из Сент-Луиса вела репортажи со всех игр «кардиналов», рассказывая о Гарри Кэрее и Джеке Баке, и мальчишки знали всех игроков команды, их позиции, достижения, родные города, сильные и слабые стороны. Они слушали репортажи с каждой игры, вырезали таблицы с результатами, которые публиковались в «Галф-Коуст реджистер», а затем часами переигрывали каждый иннинг на игровых площадках. Все сэкономленные деньги они тратили на покупку бейсбольных карточек, а торговля коллекционными карточками была серьезным делом. Предпочтительным брендом был «Топпс», главным образом потому, что жевательная резинка, которую там тоже выпускали, служила дольше.

Когда наступало лето, а вместе с ним каникулы, на всех улицах Пойнта ребятня дни напролет играла в коркбол, кикбол, вифлбол и дюжину других вариантов бейсбола. Мальчишки постарше устраивались на пустырях и полях Малой лиги, где составляли команды и играли часами. По особым дням они шли домой, приводили себя в порядок, перекусывали,

давали отдохнуть натруженным рукам и ногам, надевали форму и спешили обратно на поля для настоящих игр, на которые приходили поболеть большие толпы родственников и друзей. Ближе к вечеру под светом фонарей мальчишки уже играли всерьез и стремительно носились по всему бейсбольному полю. Они купались в приветствиях фанатов и безжалостно ругали друг друга за ошибки. Ошибка вызывала лавину освистывания. Удар, после которого бэттер пробегал через все базы и возвращался в дом, встречался полным молчанием на скамейке соперников. Появление на питчерской горке опасного игрока с сильным ударом заставляло притихнуть любого соперника. Оспаривать неправильное решение судьи было запрещено, по крайней мере, игрокам, но на болельщиков этот запрет не распространялся. И везде: на трибунах, парковках, даже на скамейках для запасных – работали транзисторные радиоприемники, настроенные на КМОХ с прямой трансляцией игр «кардиналов», и все знали, какой там счет.

В тот год, когда Киту и Хью исполнилось по двенадцать лет, они провели потрясающий сезон. Кит играл за команду, которую спонсировал «Деджин пэкинг». Команду Хью спонсировал «Шортиз шелл». Они доминировали в сезоне, и каждая команда проиграла другой только раз с разницей в одно очко. По жребию на городской чемпионат отправилась команда «Деджин пэкинг», которая в пух и прах разбила соперников из Западного Билокси. Кит был питчером во всех шести иннингах, пропустил два броска, совершил два хита, прошел четыре и сделал два хоум-рана. Его вместе с Хью единогласным решением включили в состав команды «Звезды Билокси», и, хотя они постоянно встречались в играх на пустырях, в одной официальной команде оказались впервые.

С Хью, выстреливающим мячом как из пушки справа, и Китом, наводящим ужас ударом битой слева, Билокси считался фаворитом на еще одну победу в чемпионате штата. После недели тренировок команду погрузили в три пикапа и отправили на турнир штата. Он проходил в Галфпорте, что в двадцати минутах езды на запад по автостраде номер 90. За ними шумным караваном устремились сотни фанатов.

В турнире доминировали команды из южной части штата: Билокси, Галфпорта, Паскагулы, Пасс-Кристиана и Хаттисберга. В первой игре против «Виксбурга» Кит совершил решающий хит, а Хью выбил хоум-ран, когда все три базы были закрыты. Во второй игре Хью снова принес очко своей команде, на что Кит ответил двумя хоум-ранами. В пяти играх команда Билокси заработала тридцать шесть очков в нападении, проиграла всего четыре и завоевала титул победителя штата. Празднуя победу, город устроил ребятам вечеринку в Пенсаколе. Впереди их ждало соперничество уже на другом уровне, где главным противником являлись команды Флориды.

Проживание в разных мотелях с плаванием в бассейнах и питанием в ресторанах приводило ребят в полный восторг. Хью и Кит жили вместе и являлись бесспорными лидерами команды, которых тренеры назначили капитанами. Они были неразлучны как на поле, так и за его пределами, и все крутилось вокруг них. Будучи грозой соперников и капитанами, они во всем служили примером, показывая другим, как играть по-умному, слушать тренеров, исправлять ошибки и изучать тонкости игры. Вне поля они проводили собрания команд, были во всем заводилами, утверждали прозвища, решали, какие фильмы смотреть, в какие рестораны ходить, и поддерживали товарищей по команде, сидевших на скамейке запасных.

В первой игре Хью заработал четыре очка, а Билокси обыграл команду из Мобила, чемпиона штата Алабама. Во второй игре Кит превзошел сам себя и провел восемь серий подач, пока не был остановлен в четвертом иннинге. Затем Билокси проиграл команде из Джексонвилла с разницей в три очка, а двумя днями позже команда из Тампы выиграла у Хью четыре рана в конце шестого иннинга и вышла победителем.

Сезон завершился. Мечтам об игре в Мировой серии юношеской лиги в Уильямспорте снова положил конец штат Флорида. Команда отправилась в мотель зализывать раны, но вскоре ребята уже плескались в бассейне, пытаясь заигрывать с девушками постарше в бикини.

Их родители наблюдали за происходящим, сидя под зонтиками у бассейна и потягивая коктейли. Долгий сезон наконец завершился, и им не терпелось вернуться домой и провести конец лета уже без ежедневных хлопот, связанных с бейсболом. Помимо родителей там находились и другие родственники, а также несколько заядлых болельщиков из Билокси. Одни из них были близкими друзьями, другие – просто хорошими знакомыми. Многие жили на Пойнте и хорошо знали друг друга, так что их сплоченность отличала определенная специфика.

Родители Хью Лэнс и Кармен Малко чувствовали, что другие старались, по возможности, избегать общения с ними, и на то имелись свои причины.

Глава 3

Дедушка Хью сошел с корабля на берег в Новом Орлеане в 1912 году. Ему тогда было шестнадцать лет, и он почти не говорил по-английски.

Он мог сказать «Билокси», и у таможенника больше не возникало никаких вопросов. На борту прибывавших туда судов находились выходцы из Восточной Европы, у многих из которых имелись родственники на побережье Миссисипи, и таможня с радостью отправляла их туда или куда-нибудь еще. Билокси был любимым местом.

В Хорватии парня звали Орон Малокович, и произнести это имя, не исковеркав, было непросто. Отдельные сотрудники таможни, проявляя недюжинное терпение, старательно записывали имена правильно. Многие же торопились, не желая возиться, или им было все равно, а может, они считали, что делают иммигрантам одолжение, записывая их имена так, чтобы это помогло им быстрее адаптироваться в новой стране. Справедливости ради надо сказать, для носителей английского языка выговорить некоторые имена из стран «оттуда» было настоящим испытанием. Новый Орлеан и побережье Мексиканского залива имели богатую историю, и в свое время там были широко распространены французский и испанский языки, однако к началу девятнадцатого века они легко растворились в английском. Но со славянскими языками, насыщенными согласными, все было намного сложнее.

Как бы то ни было, но Орон превратился в Аарона Малко, с чем ему скрепя сердце пришлось смириться, поскольку выбора не было. Получив новые документы, он поспешил в Билокси, где родственник подыскал ему комнату в бараке и помог найти работу в «устричном доме», где моллюсков извлекали из раковин. Подобно другим своим соотечественникам, Аарон зарабатывал на жизнь тяжелым изнурительным трудом и старался отложить какие-то деньги на будущее. Через два года ему удалось найти работу на верфи в Бэк-Бэй, где строили шхуны. Зарплата здесь была выше, но требовала больших физических усилий. За эти два года Аарон превратился в широкоплечего здоровяка шести с лишним футов ростом и в одиночку переносил массивные бревна, для чего обычно требовалось два или три человека. Начальство его ценило и поставило во главе бригады, повысив, соответственно, зарплату. В девятнадцать лет он зарабатывал пятьдесят центов в час, что было самой высокой ставкой, а работал столько часов, сколько требовалось.

Когда Аарону исполнилось двадцать, он женился на Лиде Симонович, семнадцатилетней хорватке, которой посчастливилось родиться в США. Она появилась на свет через два месяца после того, как родители прибыли на пароходе в США из Европы. Лида работала на консервном заводе, а в свободное время помогала матери-швее. Арендовав небольшой одноэтажный дом на Пойнте, молодая пара в него переехала. Вокруг жили родственники и друзья, все с их исторической родины.

Мечты счастливой пары рухнули через восемь месяцев после свадьбы, когда Аарон упал со строительных мостков. Сломанная рука и нога срослись, но из-за смещения позвонков в нижней части спины он превратился почти в калеку. Процесс выздоровления занял несколько месяцев, и ему пришлось заново учиться ходить. Без работы они выжили благодаря бесконечной поддержке семьи и соседей. Еды было много, арендная плата внесена, и приходской священник отец Герберт каждый день заходил помолиться на английском и хорватском языках. Несмотря на все героические усилия, Аарон так и не смог в дальнейшем передвигаться без трости, но в конце концов занялся поиском работы, что было чрезвычайно сложной задачей.

Его дальний родственник владел одним из трех продуктовых магазинов на Пойнте. Пожалевав Аарона, он предложил ему работу, которая заключалась в уборке и складировании товаров, а затем доверил ему и работу с кассой. Вскоре Аарон уже сам управлял всем хозяйством, дела пошли в гору. Он знал всех клиентов, их детей, бабушек и дедушек и всегда был готов прийти

на помощь нуждающемуся человеку. Он обновил ассортимент, снял с продажи товары, которые мало пользовались спросом, и расширил магазин. Даже в нерабочие часы магазина Аарон привозил товары клиентам домой, для чего использовал старенький грузовой велосипед. Имея Аарона в качестве управляющего, его босс решил расширить бизнес и открыть магазин галантерейных товаров в двух кварталах от продуктового.

Аарон же видел перспективу в другом. Он убедил босса арендовать здание по соседству и открыть там бар. Шел 1920 год, в стране царил сухой закон, и иммигранты-католики в Билокси истосковались по выпивке. Договорившись с местным бутлегером о поставках, Аарон обеспечил наличие в своем баре впечатляющего разнообразия сортов пива, в том числе европейского, и дюжины марок популярного ирландского виски.

Каждое утро на рассвете он открывал продуктовый магазин и предлагал рыбакам и рабочим консервного завода крепкий кофе с традиционной хорватской выпечкой. Каждый вечер Лида пекла поднос рассыпчатых и хрустящих кроштрулов, обжаренных в масле и посыпанных сахарной пудрой, – лакомство, которое пользовалось особым спросом среди ранней публики. По утрам Аарон, опираясь на трость, суеился за прилавком, нарезал мясо, раскладывал по полкам продукты, подметал полы и старался выполнить все пожелания покупателей. Ближе к вечеру он открывал бар и приветствовал своих постоянных клиентов. Улучив свободную минутку, он торопливо возвращался в магазин, который обычно закрывал около семи после ухода последнего покупателя. Затем он занимал место за барной стойкой, где разливал напитки, подшучивал над друзьями, рассказывал анекдоты и делился сплетнями. Закрывался он около одиннадцати, когда заканчивала работу последняя смена рабочих консервного завода.

В 1922 году у Лиды и Аарона родился их первый ребенок, которому они дали уже настоящее американское имя Лэнс. Вскоре последовали дочь и еще один сын. В их прежнем жилище стало тесно, и Аарон убедил босса сдать ему в аренду недостроенное помещение наверху над баром и продуктовым магазином. Семья переехала, пока бригада плотников возводила стены и обустраивала кухню. Шестнадцатичасовой рабочий день Аарона стал еще длиннее. Лида бросила работу, чтобы заниматься семьей и помогать в продуктовом магазине.

В 1925 году его босс внезапно скончался от сердечного приступа. Аарон был невысокого мнения о вдове почившего и не видел будущего под ее началом. Он убедил ее продать ему бар и продуктовый магазин, и за 1000 долларов наличными и выписанный вексель стал владельцем. Через два года Аарон погасил вексель и открыл еще один бар на западной стороне Пойнта. Имея два популярных бара и процветающий продуктовый магазин, семья Малко стала жить богаче, чем большинство иммигрантов, хотя и не афишировала это. Они работали усерднее, чем когда-либо, откладывали деньги, жили в той же квартире наверху и ничем не отличались от расчетливых и экономных иммигрантов. Они охотно помогали другим, Аарон часто давал небольшие кредиты друзьям, когда тем отказывали банки. Они делали щедрые пожертвования церкви и никогда не пропускали воскресную мессу.

Их дети, как только подросли, тоже стали работать в магазине. В семь лет Лэнса постоянно можно было видеть на Пойнте – он мчался на велосипеде с корзиной, наполненной продуктами для доставки на дом. В десять он таскал через стойку бутылки с холодным пивом и следил за посетителями.

В начале своей деловой карьеры Аарон многое узнал о темной стороне азартных игр и не желал иметь с ними ничего общего. Они были запрещены законом, и он решил не устраивать игр в карты и кости в задней комнате. Хотя спрос на это был устойчивый и некоторые из его клиентов об этом просили, он проявлял твердость. Отец Герберт его в этом поддерживал.

Великая депрессия негативно сказалась на производстве морепродуктов, но Билокси пережил ее лучше, чем остальная часть страны. Креветок и устриц по-прежнему было много, и людям требовалось что-то есть. Туризм пострадал, но консервные заводы продолжали работать, хотя темпы производства и снизились. На Пойнте рабочие теряли работу, и арендную

плату платить было нечем. Аарон незаметно перевел на себя ипотечные кредиты на десятки домов и превратился в домовладельца. Он брал долговые расписки за просроченную арендную плату, но никогда их не предъявлял. Никого из живущих в домах, принадлежащих Малко, никогда не выселяли.

Окончив школу в Билокси, Лэнс стал подумывать о поступлении в колледж. Аарон не пришел в восторг от этой идеи, поскольку сын был нужен в семейном бизнесе. После посещения нескольких занятий в ближайшем двухгодичном колледже Лэнс, что неудивительно, продемонстрировал способности к бизнесу и финансам. Преподаватели советовали ему продолжить обучение в государственном педагогическом колледже в Хаттисберге, но Лэнс, несмотря на то что мог об этом только мечтать, боялся поднять эту тему с отцом.

Все планы нарушила война, и Лэнс больше не помышлял о дальнейшей учебе. На следующий день после Перл-Харбора он вступил в морскую пехоту и впервые покинул дом. Его отправили морем на фронт в составе Первой пехотной дивизии, и он участвовал в тяжелых боях в Северной Африке. В 1944 году он высадился с первой волной англо-американского десанта в итальянском городе Анцио. Поскольку Лэнс говорил по-хорватски, его с сотней других солдат отправили в Восточную Европу, где немцев повсеместно гнали с оккупированных территорий. В начале 1945 года он ступил на землю исторической родины, откуда были его отец и деды, и отправил Аарону длинное письмо с описанием истерзанной войной земли. Он закончил словами: «Спасибо, отец, за то, что проявил смелость, покинув дом и стал искать лучшую жизнь в Америке». Аарон плакал, читая эти строки, а потом делился ими со своими друзьями и семьей Лиды.

Союзники гнали немцев на запад, и Лэнсу довелось участвовать в боевых действиях в Венгрии и Польше. Через два дня после освобождения Освенцима он в составе своего взвода прошел по грунтовым дорогам концлагеря и был потрясен, увидев братские могилы с сотнями истощенных трупов. Через три месяца после капитуляции Германии Лэнс вернулся в Билокси. Войну ему посчастливилось пройти без ранений, но воспоминания были столь ужасными, что он поклялся никогда о ней не вспоминать.

В 1947 году он женился на Кармен Кошья, итальянке, которую знал еще со школьной скамьи. На свадьбу Аарон подарил молодоженам дом на Пойнте, где в новом районе строились красивые дома для ветеранов. Лэнс, естественно, стал помогать отцу в его бизнесе и оставил войну в прошлом. Однако продуктовый магазин и бары были ему неинтересны и навевали тоску. Будучи весьма амбициозным, он хотел зарабатывать серьезные деньги на азартных играх. Аарон по-прежнему решительно выступал против этого, из-за чего они нередко ссорились.

Через тринадцать месяцев после свадьбы Кармен родила Хью, и семья была в восторге от появления на свет представителя нового поколения. Младенцы рождались по всему Пойнту, и отец Герберт едва успевал всех крестить. Молодые семьи так и росли на радость пожилым. Никогда прежде жизнь на Пойнте не была столь чудесной.

Билокси снова стал процветать, а бизнес морепродуктов продолжал набирать обороты. Благодаря росту туризма на пляжах построили роскошные отели. Военное ведомство решило оставить «Кислер» в качестве тренировочной базы, обеспечив тем самым постоянный приток молодых солдат, желавших хорошо провести время. Открылись новые бары, казино и бордели, и жизнь на Пойнте стала оживленнее. По заведенному обычаю полиция и политики принимали взятки и смотрели в другую сторону. В только что построенном в стиле ар-деко отеле «Бродвотер-Бич» весь холл был заполнен рядами совершенно новых игровых автоматов, купленных у брокера в Лас-Вегасе и по-прежнему незаконных.

Став отцом, Лэнс умерил свои амбиции погружения в порок. Кроме того, Аарон по-прежнему неустанно держал бразды правления в своих руках и очень дорожил репутацией. Семейный бизнес резко изменился в 1950 году, когда Аарон внезапно скончался от пневмонии в

возрасте пятидесяти четырех лет. Он не оставил последней воли и завещания, поэтому активы были разделены на четыре равные доли между Лидой и тремя детьми. Лида от горя впала в продолжительную депрессию, отнимавшую у нее все силы. Лэнс с братом и сестрой рассорились из-за того, как поступить с наследством, и это привело к серьезному расколу в семье. Их распри тянулись много лет, что очень огорчало мать. Ее здоровье продолжало ухудшаться, и Лэнс, ее первенец и любимец, убедил ее подписать завещание, по которому он получал контроль над ее долей имущества. Об этом стало известно только после ее смерти. Когда его сестра и брат ознакомились с завещанием, они пригрозили подать в суд, но Лэнс решил проблему, предложив каждому в качестве отступных по пять тысяч долларов наличными. Брат забрал деньги и покинул Побережье, а сестра вышла замуж за врача и переехала в Новый Орлеан.

Несмотря на семейную драму и общепринятое мнение, что Лэнс одурачил брата с сестрой, на Пойнте к нему и Кармен продолжали относиться с уважением. Жили они скромно, хотя могли позволить себе многое, были деятельны и щедры. Они делали самые большие пожертвования церкви Святого Михаила, в том числе на ее информационно-просветительские программы, и всегда были готовы протянуть руку помощи менее удачливым. Некоторые даже восхищались Лэнсом, считая самым оборотистым из семьи Малко, ведь он никогда не упускал возможности заработать лишний доллар.

Надо сказать, за пределами Пойнта Лэнс активно занимался реализацией своих честолюбивых устремлений. В качестве теневого партнера он купил ночной клуб и превратил его половину в казино. Другую половину занимал бар, в котором торговали разбавленными напитками по завышенным ценам. Однако солдаты с готовностью за все платили, тем более что их обслуживали симпатичные официантки в откровенных нарядах. На полчаса можно было снять одну из комнат наверху. Дела шли так хорошо, что Лэнс со своим партнером открыли еще один клуб, больше и красивее. Они назвали его «Красный бархат» и установили самую яркую неоновую вывеску на автостраде номер 90. Так родился Стрип.

Кармен отошла от дел в магазине и целиком посвятила себя воспитанию детей. Лэнс работал дни, а иногда и ночи напролет, он часто отсутствовал. Кармен же вела домашнее хозяйство и окружала заботой трех своих детей. Она не одобряла связей мужа с темным миром, но они редко обсуждали его клубы. В деньгах недостатка не было, на Пойнте мало у кого их водилось больше. Недовольство, как его ни выказывай, все равно ничего не изменит. Лэнс был старой закалки, а на исторической родине его отца было заведено, что мужчина правит домом железной рукой, а женщина воспитывает детей. Кармен смирилась с отведенной ей ролью и не роптала.

Возможно, самые счастливые моменты они переживали на бейсбольных площадках. Уже в восемь лет юный Хью считался ведущим игроком и с каждым годом становился лучше. Во время ежегодного отбора игроков каждый тренер хотел заполучить его в свою команду. А в десятилетнем возрасте его отобрали в лигу двенадцатилетних, что случалось крайне редко. Единственным, кто ему ни в чем не уступал, являлся его друг Кит Руди.

Глава 4

Клан Руди был основан на Пойнте почти в то же время, что и клан Малко. При оформлении документов на таможне Нового Орлеана Рудич превратился в Руди – не очень-то распространенная в Америке фамилия, но все же куда более удобоваримая по сравнению с любой хорватской.

Отец Кита Джесси Руди родился в 1924 году и, подобно другим детям, вырос рядом с консервными заводами и рыболовецкими судами. На следующий день после достижения восемнадцатилетия его призвали в армию, определили на военно-морской флот и отправили воевать на Тихий океан. На войне оказались сотни юношей из Пойнта, и сплоченная местная община возносила бесчисленные молитвы за их здоровье. На ежедневные мессы собирались толпы прихожан. Письма с фронта читали вслух друзьям и знакомым, отцы обсуждали их за пивом, а матери – в вязальных клубах. В ноябре 1943 года война постучалась в дверь Боновичей с горестной вестью. Их сын, морской пехотинец Гарри, погиб в сражении на острове Гуадалканал. Его смерть стала первой для Пойнта и лишь четвертой для округа Гаррисон. Соседи скорбели и помогали семье, кто чем мог, а темная туча войны продолжала нависать все тяжелее. Через два месяца погиб второй выходец из Пойнта.

Джесси служил на эсминце Тихоокеанского флота. В октябре 1944 года во время битвы в заливе Лейте на его корабль спикировал бомбардировщик-камикадзе, Джесси был ранен. Его вытащили из моря с сильными ожогами обеих ног. Два месяца спустя он прибыл в военно-морской госпиталь в Сан-Франциско, где его лечили хорошие врачи и немало симпатичных молодых медсестер.

Там он влюбился и после демобилизации весной 1945 года вернулся на Побережье с больными ногами, брезентовым вещмешком, в который уместилось все его имущество, и девятнадцатилетней невестой. Агнес родилась и выросла на ферме в Канзасе и последовала за Джесси, тревожась и волнуясь. Она никогда не была в южных штатах и являлась жертвой расхожих стереотипов о них как о земле босоногих исполиков, беззубой деревенщины, жестоких законов расовой сегрегации Джима Кроу и всего такого, но она была безумно влюблена в Джесси. На Пойнте они арендовали дом и пошли работать. Агнес устроилась медсестрой на базе ВВС, а Джесси перебивался случайными заработками. Проблемы с ногами после ранения не позволяли ему работать на рыболовецком судне даже неполный рабочий день, чему он был только рад.

Агнес сама удивлялась, как быстро освоилась на Побережье. Ей нравилась сплоченность иммигрантских общин, и ее приняли сразу без каких-либо предубеждений. Ее англо-протестантское происхождение никого не смущало. После восьмидесяти лет пребывания в стране смешанные браки среди разных этнических групп стали обычным явлением. Агнес нравилось ходить на танцы и вечеринки, изредка позволять себе что-нибудь выпить и принимать участие в больших семейных посиделках. Жизнь в сельских районах Канзаса была намного тише и скучнее.

В 1946 году конгресс выделил финансирование для Законопроекта о военнотружущих, и тысячи молодых ветеранов неожиданно смогли получить высшее образование. Джесси поступил в колледж с двухлетним сроком обучения и не пропустил ни одного предлагавшегося курса истории. Его мечтой было преподавать историю Америки старшеклассникам. А самой заветной – стать ученым, профессором и читать лекции в университете.

Заводить детей не входило в их планы, но послевоенная Америка переживала всплеск рождаемости. В апреле 1948 года родился Кит. Роды прошли на базе аэродрома «Кислер», где ветеранам и членам их семей предоставлялось бесплатное медицинское обслуживание.

Двадцать восемь дней спустя в том же крыле медицинского комплекса базы ВВС родился Хью Малко. Их семьи были знакомы по общине иммигрантов на Пойнте, и отцы общались, хотя близко не дружили.

Через пять месяцев после рождения Кита Джесси и Агнес удивили родственников известием о том, что уезжают учиться. Во всяком случае, Джесси собирался учиться точно. Ближайшим высшим учебным заведением был четырехлетний государственный педагогический колледж в Хаттисберге, что в семидесяти пяти милях на север. Они уедут на пару лет, а потом вернутся. В семье Рудич/Руди он стал бы первым человеком с высшим образованием, и родители по праву испытывали чувство гордости. Упаковав вещи в свой «Меркьюри» 1938 года и забрав с собой Кита, Джесси и Агнес направились на север по автостраде номер 49. Они сняли в кампусе крошечную студенческую квартиру, и через два дня Агнес устроилась медсестрой в группу врачей. Подгоняя ее рабочий график под его занятия, им удавалось управляться с уходом за маленьким Китом своими силами и не нанимать няню. Джесси старался посещать как можно больше занятий, и учеба давалась ему легко.

Через два года он получил степень бакалавра, и они подумывали, не стоит ли остаться ради степени магистра. Сомнениям положила конец беременность Агнес. Когда она поняла, что ждет второго ребенка, они решили, что время учебы закончилось и Джесси нужно начинать работать. Они вернулись домой и сняли дом на Пойнте. Когда в старшей школе Билокси не оказалось вакансий учителя истории, Джесси приложил все силы, чтобы занять место преподавателя прав и обязанностей граждан для девятиклассников в Галфпорте. Его первая зарплата составила две тысячи семьсот долларов в год. Агнес снова стала работать медсестрой на базе ВВС, но беременность протекала тяжело, и работу ей пришлось оставить.

Бeverли родилась в 1950 году. Джесси и Агнес сошлись во мнении, что двоих детей им пока достаточно, и решили отнестись к проблеме планирования семьи со всей серьезностью. Джесси наконец устроился преподавателем истории для старших классов в Галфпорте и получил небольшую прибавку к зарплате. Агнес подрабатывала, и, как и большинство молодых послевоенных пар, их семья едва сводила концы с концами, мечтая о лучшем. Несмотря на предпринятые ими меры предосторожности, все опять пошло не по плану – и Агнес забеременела в третий раз. Лора появилась через четырнадцать месяцев после Беверли, и в доме сразу стало слишком тесно. Родители Джесси жили всего через пару домов от них, а тети и дяди – практически через дорогу. Когда Агнес требовалась помощь или просто небольшой перерыв, ей достаточно было крикнуть, и кто-то обязательно откликнулся. Жившие в квартале матери и бабушки гордились тем, что помогали друг другу растить детей.

Излюбленной темой, которую Джесси и Агнес тихонько обсуждали в редкие спокойные минуты, была мечта жить не на Пойнте. Хотя они не представляли, как бы со всем справлялись без помощи общины, и были ей за это очень благодарны – временами она становилась слишком навязчивой. Про них было всем известно абсолютно все. Никакого личного пространства. Если по какой-либо причине они пропускали воскресную мессу, то днем к ним обязательно навевалась целая толпа родственников и друзей узнать, кто заболел. Если у кого-то из детей поднималась температура, то это сразу становилось самой главной и обсуждаемой новостью общины. Но больше всего их удручало даже не отсутствие личного пространства, а теснота. Дом был слишком мал для их семьи и, по мере того как росли дети, становился все теснее. Но о каком бы то ни было улучшении жилищных условий они могли только мечтать. С тремя маленькими детьми на руках Агнес не имела возможности работать, что было настоящим ударом по семейному бюджету. При работе на полную ставку она получала больше, чем Джесси. Ему платили меньше трех тысяч долларов в год, а повышение зарплаты школьным учителям никогда не являлось приоритетом.

Им оставалось только мечтать. И, как бы это ни было трудно, они старались максимально воздерживаться от сексуальных отношений. О четвертом ребенке не могло быть и речи.

И все-таки он появился. 14 мая 1953 года в дом привезли Тимоти. Его приветствовали многочисленные гости, большинство которых втайне считали, что четырех детей более чем достаточно. Соседи уже устали от воздушных шаров и торта.

За время своего непродолжительного студенчества уже женатый Джесси завел только одного близкого друга. Феликс Перри тоже изучал историю, но, получив степень бакалавра, решил резко сменить специализацию и стать юристом. Будучи отличником, он без труда поступил на юридический факультет Университета Миссисипи и через три года закончил его первым по успеваемости. Феликс нашел место в хорошей фирме в Джексоне и получал зарплату, которой можно было только позавидовать.

Он позвонил заранее, сказал, что едет в Билокси по делам, и предложил увидеться и поужинать вместе. С четырьмя детьми младше пяти лет Джесси не мог себе позволить подобные расходы, но Агнес настояла на встрече.

– Только не приходи домой сильно пьяным, – попросила она со смехом.

– А когда это было в последний раз?

– Никогда. Ступай, и чтобы я тебя здесь не видела.

Холостой, вдали от дома и с наличными в кармане, Феликс был настроен развлекаться. Они с удовольствием полакомились в заведении Мэри Махони супом гумбо, сырыми устрицами и жаренным на гриле окуном с бутылкой французского вина. Феликс сразу сказал, что все расходы берет на себя, а счет выставит клиенту. Джесси никогда еще не чувствовал себя столь свободно. Но по ходу ужина его стал раздражать преисполненный сознания собственной значимости старый друг. Феликс хорошо зарабатывал, носил отличные костюмы, ездил на «Форде» 1952 года, а перспективы его карьерного роста казались невероятными. Через семь, может, восемь лет он станет партнером, а это все равно что выиграть джекпот.

– Ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы стать юристом? – поинтересовался Феликс. – Я хочу сказать, ты же не можешь вечно преподавать в школе, верно?

Так оно и было, но признать это Джесси не хотелось.

– В последнее время я много о чем думал, – ответил он. – Но мне нравится то, чем я занимаюсь.

– Конечно, это важно, Джесси. Ты молодец, но я не представляю, как учителям удастся сводить концы с концами. Оплата мизерная. По-прежнему самая низкая в стране, так ведь?

Феликс, разумеется, был прав, но говорить это ему не следовало.

Половину ужина они провели в беседе о коллегах и партнерах, судебных исках и процессах, и для Джесси разговор пошел по двум направлениям. Во-первых, его немного раздражало напоминание о том, что преподавание в школе всегда сопряжено с финансовыми трудностями, особенно для мужчины-кормильца, у которого дома четверо детей. Во-вторых, чем больше они говорили, тем больше Джесси увлекала идея стать юристом. Поскольку ему было уже тридцать лет, подобная перспектива казалась почти нереальной, но попробовать, возможно, стоило.

Феликс оплатил счет, и они отправились «искать приключений», как он выразился. Он был из небольшого «сухого» округа (в 1954 году все восемьдесят два округа стали «сухими») и не раз слышал о пороках Билокси. Ему хотелось выпить, побросать кости, полюбоваться стриптизом и, не исключено, снять девушку.

Подобно всем детям Билокси, Джесси вырос в атмосфере, где мужчинам предлагались порочные удовольствия – азартные игры, проститутки, стриптизерши, виски. Несмотря на незаконность, они существовали, и все с этим мирились. Будучи подростком, он сам не раз прикармливал сигареты в бильярдных и похищал пиво в барах, но, как только новизна ощущений прошла, он больше не участвовал ни в чем предосудительном. В каждой семье была своя история о юноше с карточными долгами или проблемах с алкоголем, и каждая мать давала своим сыновьям наставления, предупреждая об опасностях, таящихся на другом конце города. В ночь перед тем, как отправиться в учебный лагерь, а затем на фронт, Джесси с несколькими

друзьями прошлись по барам, где потратили последние доллары на то, чтобы снять девушек. На следующее утро за завтраком мать ничего не сказала о его ночном гулянии. Он был не единственным призывником, который прощался с похмелья. Вернувшись домой через три года, он привез жену, и его краткий бунтарский период завершился. Время от времени, максимум раз в месяц, он встречался с друзьями, чтобы выпить после работы пива. Его любимым баром было заведение Малко, и он часто видел там Лэнса, смешивавшего коктейли.

Он не был уверен, каких именно «приключений» искал Феликс, но самым безопасным местом проигратся была «Стоянка грузовиков Джерри» – заведение на автостраде номер 90, тянувшейся вдоль всего Побережья. В прежние годы Джерри действительно продавал дизельное топливо и обслуживал заезжавшие к нему фуры. Затем позади кафе он пристроил бар, в котором предлагались самые дешевые напитки в этих местах. Водители были в восторге и разнесли по всему региону весть о том, что яичницу с сосисками там можно запивать ледяным пивом. Джерри расширил бар и подсчитывал барыши, пока однажды к нему не заглянул шериф, указавший на то, что вождение и алкоголь несовместимы. Пьяные дальнобойщики стали причиной нескольких аварий со смертельным исходом. У Джерри имелся выбор – дизельное топливо или выпивка. Он выбрал последнее, убрал заправочные колонки, обустроил казино и стал обслуживать вместо дальнобойщиков солдат. «Стоянка грузовиков» стала самым известным салоном в Билокси.

Феликс заплатил доллар за вход, и они вошли в длинный сверкающий бар. При виде двух миловидных танцовщиц, которые вращались вокруг шеста, совершая удивительные движения, он так восхитился, что у него буквально отвисла челюсть. В клубе было шумно, темно и дымно, танцпол освещали разноцветные огни. Они нашли местечко в баре, и к ним тут же подошли две барышни с ярким макияжем, в блузках с глубоким вырезом и коротких юбках.

– Как насчет выпить, мальчики? – спросила первая, протискиваясь между ними и прижимаясь грудью к Феликсу. Другая подошла к Джесси.

– Без проблем, – согласился Феликс, готовый раскошелиться за удовольствие. – Что желаете?

Джесси взглянул на одного из четырех барменов, готового смешать коктейли. Через несколько секунд принесли два больших зеленоватых напитка для девочек и два бурбона для мальчиков.

Дружелюбный бармен охотно кивнул и сказал:

– Не забывайте, что каждый четвертый напиток бесплатно.

– Ничего себе! – громко восхитился Феликс.

Таким образом, чтобы расчет оправдался, парню потребуется заказать как минимум восемь порций, прежде чем покинуть заведение. Зеленые напитки представляли собой не что иное, как сладкую воду, и к каждому прилагалась красочная пластиковая соломинка для питья с вишенкой наверху. Улучив подходящий момент, девушки забирали соломинки и прятали в карман. Когда заведение закрывалось и наступала пора расчетов, девушки получали по пятьдесят центов за каждую соломинку и ничего за проведенное в баре время. Чем больше выпивки они выпрашивали, тем больше денег зарабатывали. Местные жители были в курсе этой уловки, получившей название «развести на выпивку».

Но туристы и военнослужащие о ней не подозревали и продолжали заказывать.

Девушки были хорошенькие, и чем моложе, тем лучше. Поскольку деньги тут платили немалые, а возможностей для женщин в крошечных городках было всего ничего, они направлялись на Побережье, где жизнь была ключом. Историй о том, как девушки из сельских районов несколько лет усердно работали в клубах, копили деньги, а потом возвращались домой, где никто не знал, чем они занимались, было не счесть. Дома они выходили замуж за своих бойфрендов со времен школы и благополучно растили детей.

Феликс был с Дебби, которая явно обладала нужным опытом и безошибочно выбирала цель, хотя особой интуиции для этого не требовалось.

– Мы пошли танцевать. Присмотри за нашими напитками, – попросил Феликс, обращаясь к Джесси.

Они растворились в толпе. Шерри Энн подошла ближе к Джесси, который улыбнулся и сказал:

– Послушай, я не по этой части. Я счастлив в браке, у меня дома четверо детей. Так что извини.

Она вздохнула, улыбнулась, все поняла и поблагодарила:

– Спасибо за выпивку.

Шерри Энн тут же перешла на другой конец стойки и через пару мгновений уже обрабатывала нового клиента. После нескольких минут обжиманий на танцполе появились запыхавшиеся Феликс и Дебби и с жадностью припали к своим напиткам.

– Послушай, мы отлучимся наверх на полчаса, ладно? – громким шепотом попросил Феликс.

– Как скажешь.

Неожиданно оказавшись в баре в одиночестве и желая избежать очередного приставания, Джесси направился в казино и прошел по залу. До него доходили слухи о растущей популярности «Стоянки грузовиков», но размах, с которым было поставлено дело, его поразил. Вдоль стен стояли игровые автоматы. Столы для рулетки и игры в кости располагались с одной стороны, а в покер и блек-джек – с другой. Десятки игроков, почти все мужчины, многие из которых были в форме, играли в азартные игры, курили, пили и кричали. Между ними быстро лавировали официантки, стараясь успеть обслужить всех желающих. А ведь был всего лишь вторник.

Джесси знал, что от рулетки и игры в кости следовало держаться подальше, ведь на них казино мошенничало. Было хорошо известно, что единственной неизменно честной игрой в городе оставался блек-джек. Джесси нашел свободное место за переполненным 25-центовым столом и достал два доллара – свой лимит. За час он выиграл два с половиной доллара, а Феликс так и не появился.

В одиннадцать он позвонил брату и попросил отвезти его домой.

В следующем 1955 году Джесси записался на вечерние занятия в Юридический колледж Университета Лойола в Новом Орлеане. После ужина с Феликсом он загорелся идеей стать юристом и говорил только об этом, во всяком случае, с Агнес. В конце концов она сдалась, не в силах больше сопротивляться. С четырьмя маленькими детьми о работе медсестрой даже неполный рабочий день не могло быть и речи, но она готова была поддержать его, вместе они могли добиться успеха. Идея взять ссуду была им обоим ненавистна, но когда отец Джесси предложил им взять у него в долг две тысячи долларов, у них не оставалось другого выбора, кроме как согласиться.

По вторникам после уроков в школе Джесси спешил в Новый Орлеан. Дорога занимала два часа, и на занятие в шесть вечера он обычно опаздывал минут на пятнадцать. Профессора относились к студентам с пониманием, поскольку те работали на полную ставку в другом месте. Будущие юристы учились на вечернем отделении, не жалея себя, и большинство правил были гибкими. На четырехчасовых занятиях на протяжении двух курсов Джесси делал подробные записи, участвовал в обсуждениях и по возможности знакомился с новыми материалами. Он изучал право и был в восторге от того, что его ждало впереди. Поздними вечерами в конце второго курса он нередко был единственным студентом, который продолжал бодрствовать и жаждал поговорить с профессором. Ровно без десяти десять он бегом покидал аудиторию и возвращался на машине домой. В полночь Агнес всегда ждала его с разогретым ужином и вопросами об учебе.

Он редко спал больше пяти часов в сутки и просыпался до рассвета, чтобы успеть подготовиться к урокам в школе или проверить контрольные.

В четверг вечером он снова уезжал в Новый Орлеан еще на две лекции. Он ни разу не пропустил ни одного занятия в колледже, ни одного урока в школе, ни одной воскресной мессы, ни одного семейного ужина. Дети росли, и у него всегда находилось время поиграть с ними на заднем дворе или отправиться на пляж. Агнес часто заставляла его в полночь на диване мертвым от усталости и с раскрытой толстой тетрадью на груди. Первый курс он закончил с отличием, и они с Агнес отпраздновали это поздно вечером, открыв бутылку дешевого шампанского. А потом оба «отключились». Одним из плюсов усталости было отсутствие сил для секса. Четверых детей достаточно. По мере того как учеба продвигалась вперед, а родственникам и друзьям становилось понятно, что его мечта не была безумием, он начал испытывать определенную гордость. Он будет первым юристом из Пойнта, первым из всех детей и внуков иммигрантов, которые тяжело работали, принося жертвы новой стране. Одни считали, что, получив диплом, он уйдет, другие – что останется.

Устроится ли он в хорошую фирму в Билокси или откроет собственную контору на Пойнте и будет помогать своим? Правда ли, что он хотел работать в крупной фирме в Новом Орлеане?

Однако любопытствующие держали вопросы при себе. Джесси никогда не слышал подобных пересудов. Он был слишком занят, чтобы интересоваться мнением соседей. Он не собирався покидать Побережье и пытался завести знакомство со всеми юристами в городе. Он проводил много времени в залах суда и подружился с судьями и судебными репортерами.

После четырех лет учебы на вечернем отделении ценой постоянного недосыпания Джесси Руди с отличием окончил Юридический колледж Лойола, сдал экзамен на адвоката штата Миссисипи и занял должность юриста в фирме, где трудились три человека, на Говард-авеню в центре Билокси. Его начальная зарплата была на том же уровне, что и у школьного учителя истории, зато в конце года фирма выписывала каждому юристу премию в зависимости от отработанного им времени и количества новых клиентов. Поджарый и голодный Джесси сразу же погрузился в работу, начиная с пяти утра.

Хотя поначалу юридическая степень мало что значила в плане реальных доходов, она о многом говорила ипотечному банкиру. Он хорошо знал юридическую фирму и высоко ценил ее партнеров. Банкир одобрил заявку Джесси на получение кредита, и семья переехала в дом с тремя спальнями в западной части Билокси.

Как первый местный юрист хорватского происхождения, Джесси сразу погрузился в повседневные юридические проблемы своих соплеменников. Он не мог им отказать и потому часами составлял для них не требовавшие больших расходов завещания, договоры и простые контракты. Ему это нравилось, и он встречал клиентов в своем красивом кабинете так приветливо, как будто те были миллионерами. Успех Джесси Руди был предметом гордости жителей Пойнта.

Для первого крупного дела партнер попросил его изучить несколько вопросов, связанных с несостоявшейся коммерческой сделкой. Владелец «Стоянки грузовиков» на словах согласился продать свой бизнес синдикату, который возглавлял местный оператор по имени Снид. Имелся также письменный договор на землю и еще один договор об одной или двух арендах. Переговоры велись уже год без привлечения юристов, так что возникновению путаницы и напряженности удивляться не приходилось. Стороны кипели от возмущения и грозились подать в суд. Владельцу «Стоянки грузовиков» даже поступали угрозы об избиении.

Хозяева синдиката предпочитали прятаться за Снидом, сохраняя анонимность, но по мере того, как выяснялись детали, по крайней мере юристам стало известно, что основным инвестором являлся не кто иной, как Лэнс Малко.

Глава 5

Война цен началась с борделя. Мелкий гангстер по имени Кливленд приобрел на Пойнте старый клуб под названием «Фокси». Крыло попроще он использовал для азартных игр, а то, что поприличнее, – для своих шлюх. Хотя фиксированной цены за полчаса удовольствия с девушкой не было, общепринятая ставка, по умолчанию согласованная владельцами, составляла двадцать долларов. В «Фокси» тариф снизили вдвое, и новость облетела базу ВВС со скоростью лесного пожара. А так как военнослужащие жаждали выпить до и после, цена на дешевое разливное пиво тоже была уменьшена. От клиентов не было отбоя, и мест для парковки не хватало.

Чтобы выжить, ряд других недорогих клубов тоже снизили расценки. Тогда хозяева принялись переманивать девочек. Экономика порока Билокси, всегда пребывавшая в хрупком равновесии, была подорвана. Пытаясь навести порядок, несколько крутых парней как-то вечером нагрянули в «Фокси», избили бармена и двух вышибал и предупредили, что продавать секс и выпивку по цене ниже «стандартной» недопустимо. Пример оказался заразительным, и по Пойнту прокатилась волна насилия. Налет на один притон приводил к ответным действиям в другом. Владельцы пожаловались в полицию, где их выслушали, но всерьез не восприняли. До убийства дело не дошло, ну, а парни есть парни. Драки – обычное дело, в них нет ничего ужасного. А жулики пусть сами приглядывают за своим хозяйством.

В разгар разборок, бушевавших дольше года, на сцене появилась настоящая новая звезда по имени Невин Нолл. Он был двадцатилетним новобранцем, который пошел служить в военно-воздушные силы, спасаясь от неприятностей дома, в восточном Кентукки. Он вырос в колоритном окружении самогонщиков и преступников и был воспитан в неуважении к закону. На протяжении десятилетий ни один из его родственников мужского пола не пытался заработать на жизнь честным трудом. Однако юный Невин мечтал вырваться из привычного окружения, зажить ярко и стать знаменитым гангстером. Но ретироваться ему пришлось раньше, чем ожидалось, и в спешке.

В багаже, оставленном им в Кентукки, имелись по крайней мере две беременные девушки, их разъяренные отцы, а также выписанный ордер на арест за жестокое избиение помощника шерифа, когда тот возвращался со службы. Мордобой был второй натурой Невина: ему больше нравилось махать кулаками, чем пить холодное пиво. Имея рост шесть футов и два дюйма, он был широк в плечах и силен как бык, а удары наносил с невероятной быстротой, точностью и мощностью. За шесть недель начальной подготовки в «Кислере» он успел сломать две челюсти, выбить множество зубов и отправить одного парня в больницу с сотрясением мозга.

Его предупредили, что в случае новой драки его с позором выгонят из армии. Ждать пришлось недолго. В субботу вечером он с парой приятелей играл в кости в «Красном бархате», когда вспыхнул спор из-за подозрительных игральные костей. Разгневанный игрок назвал их «заряженными» и потянулся за фишками. Крупье оказался проворнее. Дилер толкнул игрока, бывшего навеселе и, судя по всему, плохо переносившего толчки. Невин как раз бросил кости, проиграл и тоже заподозрил мошенничество. Поскольку большинство клиентов были солдатами и не прочь выпить, в «Красном бархате» всегда дежурило много вышибал, которые следили за парнями в форме. Ничто так не возбуждало Невина, как хорошая потасовка, и он тут же оказался в самой гуще разборки. Оттолкнувшего его дилера он отправил в нокаут левым хуком в подбородок. На Невина набросились двое охранников, которым он расквасил носы, прежде чем те успели нанести удар. Противники разлетались во все стороны, но ему все было мало. Двое его приятелей с базы отступили назад, с восхищением наблюдая за происходящим. Им уже приходилось видеть подобное. Взрослые мужчины, независимо от своей комплекции,

ничем не отличались от боксерских груш, стоило им оказаться в опасной близости к мистеру Ноллу.

Крупье с битой в руках перепрыгнул через стол и широко размахнулся. Удар пришелся Невину в плечо, но не причинил никакого вреда. Невин же ударил напавшего четыре раза по лицу, и от каждого удара в стороны летели брызги крови.

Все клиенты бросили свои партии и обступили стол для игры в кости. Возвышаясь над корчащимися на полу окровавленными противниками, Невин озирался по сторонам с диким видом и твердил:

– Ну же, давай! Кто следующий?

Никто в его сторону не двинулся.

Конец драке положили два вышибалы с дробовиками в руках. Невин, улыбнувшись, поднял руки. Он выиграл бой, но проиграл битву. Как только на него надели наручники, охранники сбили его с ног и утащили прочь. Ему предстояло в очередной раз провести ночь в тюрьме.

Рано утром в воскресенье Лэнс Малко и его начальник службы безопасности, опросив пострадавших дилеров и охранников, выяснили, что произошло, хотя те и не были настроены на объяснения. Челюсть дилера ужасно распухла. Лицо крупье пестрило ранами – по одной на каждой брови, одна на переносице плюс разбитая нижняя губа. Охранники прижимали к носу пакеты со льдом, с трудом пытаясь что-то разглядеть сквозь щелочки заплывших глаз.

– Красавцы! – с насмешкой произнес Лэнс. – И все это – дело рук одного человека?

Он заставил каждого описать, что произошло. Все четверо скрепя сердце поражались скорости, с которой их вырубил.

– Этот парень, должно быть, боксер или кто-то в этом роде, – сказал один из охранников.

– У сукина сына удар что надо, это точно, – подтвердил другой.

– Кто бы сомневался! – со смехом отозвался Лэнс. – По твоему лицу это видно без слов.

Увольнять их он не стал, а пошел в суд, где наблюдал, как Невин Нолл отвечал на вопросы судьи, не признавая себя виновным по четырём пунктам обвинения в нападении. Назначенный судом адвокат объяснил, что его клиента только что отчислили из «Кислера» и отправляют обратно в Кентукки. Разве такого наказания недостаточно?

Нолла отпустили под небольшой залог и велели вернуться на слушание через два дня. Лэнс отвел адвоката Невина в сторону и спросил, не переговорит ли тот со своим клиентом. Обвинения против него могут быть сняты, если им удастся договориться. У Лэнса был нюх на таланты, будь то ловкие карточные крупье, хорошенькие молодые девушки или склонные к насилию мужчины. Он набирал лучших и хорошо им платил.

Для Невина Нолла это стало настоящим чудом. Можно было забыть об армии, возвращении домой в Кентукки и устроиться на настоящую работу. Делать то, о чем всегда мечталось: работать на криминального авторитета, обеспечивать безопасность, тусоваться в барах и борделях и время от времени вышибать мозги из пары черепов. В мгновение ока Невин Нолл стал самым преданным сотрудником Лэнса Малко, какого тому когда-либо доводилось нанимать.

Босс, как его тогда называли, понизил в должности охранников со сломанными носами и перевел их на перевозку в грузовике спиртного с лодки. Нолла же устроили в офисе наверху, в «корпоративном номере» «Красного бархата», и он начал изучать бизнес.

Кливленд, владелец «Фокси», не испугался многочисленных угроз и по-прежнему торговал сексом задешево. Мириться с этим дальше было нельзя, и Лэнс решил показать, кто в городе настоящий хозяин. Вместе с помощниками он разработал простой план нападения, в ходе реализации которого Невин Нолл мог подняться еще выше или погибнуть.

В пять часов пятницы в начале марта 1961 года Босс получил сообщение от заранее посланного им человека, что Кливленд только что припарковал свой новый «Кадиллак» на обычном месте за «Фокси». Десять минут спустя в баре появился Невин Нолл, подошел к

стойке и заказал себе выпивку. В зале почти никого не было, но в углу настраивали инструменты музыканты, шла рутинная подготовка к предстоящему наплыву клиентов. Охранников было мало, но через час или около того их уже станет много.

Нолл поинтересовался у бармена, на месте ли мистер Кливленд, и пояснил, что хочет поговорить с ним.

Нахмурившись, бармен продолжил вытирать пивную кружку.

– Не в курсе. А кто его спрашивает?

– Я. Меня прислал мистер Малко. Ты же знаешь мистера Лэнса Малко, так ведь?

– Никогда о нем не слышал.

– Ну, разумеется. Я и не рассчитывал, что ты можешь много знать.

Нолл поднялся с табурета и направился к концу бара.

– Эй, придурок! – окликнул бармен. – Куда это ты намылился?

– Собираюсь повидать мистера Кливленда. Я знаю, где он прячется.

Бармен был внушительной комплекции, и ему не раз приходилось пускать в ход кулаки.

– Не спеши, приятель, – сказал он, хватая Нолла за левую руку, что было ошибкой.

Нолл развернулся и правой рукой нанес бармену сокрушительный удар в челюсть слева, отправляя его в небытие. Из тени выскочил грома в черной ковбойской шляпе и бросился на Нолла. Тот схватил с барной стойки пустую пивную кружку и нанес ею противнику удар в ухо. Когда оба оказались на полу, Нолл огляделся. Двое мужчин за столиком уставились на него, потеряв дар речи. Музыканты замерли на месте, не зная, что им делать. Кивнув им, Нолл исчез за вращающимися дверями. В коридоре было темно, впереди располагалась кухня. Работавший здесь раньше бармен сообщил Малко, что офис Кливленда за синей дверью в конце узкого коридора. Распахнув ногой дверь, Нолл вошел со словами:

– Привет, Кливленд, есть минутка?

Толстяк охранник в пиджаке и галстуке попытался вскочить со стула, но не успел. После трех быстрых ударов Нолла по лицу он со стоном упал на пол. Кливленд сидел за столом и разговаривал по телефону. Замерев, он пару мгновений был слишком ошарашен, чтобы что-то предпринять, а потом выронил трубку и потянулся к ящику, но было уже слишком поздно. Нолл, перескочив через стол, нанес ему сильный удар по лицу, от которого тот вылетел из кресла. Ноллу было поручено хорошенько отделать Кливленда, но не убивать. Босс хотел, чтобы Кливленд остался жив, по крайней мере сейчас. Работая только кулаками, Нолл сломал ему челюсть, выбил зубы, превратил глаза в щелки, а губы, щеки и лоб в месиво, отделил носовую кость от полости черепа. Услышав, что толстяк охранник застонал, Нолл взял тяжелую пепельницу и ударил его по затылку.

Открылась маленькая боковая дверь, и появилась платиновая блондинка лет тридцати, которая, увидев место побоища, едва сдержала крик. Прикрыв рот обеими руками, она с ужасом посмотрела на Нолла. Он быстро вытащил из заднего кармана револьвер и кивнул на стул.

– Сядь и заткнись! – прорычал он.

Попытившись, она опустилась на стул, все еще не в силах произнести ни звука. Из переднего кармана Нолл вытащил восьмидюймовый глушитель и накрутил его на ствол револьвера. Он выстрелил в потолок, и женщина завизжала. Он выстрелил еще раз в стену в трех футах над ее головой и сказал:

– Да послушай меня, черт возьми!

Но она была слишком напугана, чтобы слушать. Он выстрелил в стену еще раз с таким же приглушенным хлопком.

Нолл встал над ней, направил на нее револьвер и произнес:

– Скажи Кливленду, что у него есть семь дней, чтобы закрыть заведение. Понятно?

Ей удалось кивнуть. Да.

– Я вернусь через семь дней. Если он еще будет здесь, то ему действительно не поздоровится.

Открутив глушитель, Нолл бросил его ей на колени в качестве сувенира, а револьвер сунул за пояс. Выйдя из кабинета, он прошел через кухню и, открыв заднюю дверь, оказался на улице.

Ценовая война закончилась.

Кливленд провел в больнице три недели с подключенным аппаратом искусственной вентиляции легких и множеством трубок. Его мозг время от времени отекал, и врачам то и дело приходилось вводить его в искусственную кому. Опасаясь очередного визита Нолла, его девушка, платиновая блондинка, закрыла «Фокси» и ждала распоряжений от Кливленда. Когда того наконец выписали из больницы, он не мог ходить и перемещался в инвалидном кресле. Несмотря на мозговую травму, у него хватило здравого смысла понять, что его амбициозный проект на Пойнте завершен.

Поскольку Невин Нолл был человеком новым, его никто не узнал и опознать не мог. Однако его одиночный налет на «Фокси» мгновенно превратился в легенду и не оставил сомнений в том, что Лэнс Малко действительно Босс.

«Фокси» отошел банку, а двери и окна заколотили фанерой. Заведение так и простояло заколоченным шесть месяцев, а затем было продано корпорации из Нового Орлеана, которую контролировал Лэнс Малко.

Располагая теперь четырьмя клубами, Лэнс Малко осуществлял контроль над большей частью нелегальной деятельности на Побережье. Деньги потекли рекой, и он поделился ими со своими подручными и влиятельными политиками. Он не жалел средств на то, чтобы в полной мере удовлетворять потребности своих клиентов, и предлагал лучшую выпивку, лучших девушек и лучшие азартные игры к востоку от Миссисипи.

Конкуренция оставалась постоянной проблемой. Успех породил подражание, и желающие его потеснить выстраивались в бесконечную очередь. Одних удалось отвадить с помощью шерифа. Другие проявляли упорство и сопротивлялись. Возможность применения насилия существовала всегда, и нередко угрозы приводились в исполнение.

Семья Малко переехала с Пойнта в чудесный новый дом к северу от Билокси. Он был с воротами и охраной, и Босс редко куда-либо выходил без Невина Нолла.

Глава 6

Многообещающая спортивная карьера Малко резко оборвалась в один жаркий августовский день. Будучи десятиклассником в Билокси, он с группой других пятнадцатилетних мальчишек терпел муки на предсезонных тренировках по два раза в день, мечтая попасть в спортивную команду школы. Перспективы были сомнительные. На поле тренировалось не меньше сотни ребят, большинство из которых были старше, крупнее и быстрее. «Индейцы Билокси» играли в элитной конференции штата из восьми команд, и талантов там всегда хватало. В команду брали ребят постарше, многим предстояло играть и в колледже. Десятиклассников включали в нее крайне редко, и обычно они представляли интересы школы на юношеских соревнованиях.

Славные дни Малой бейсбольной лиги, когда Хью и Кит Руди задавали тон в каждой игре, давно остались в прошлом. Какие-то талантливые ребята их возраста продолжали расти и развиваться, а кому-то это было не суждено. Были и те, кто достигал пика в двенадцать или тринадцать лет, но по мере взросления прогрессировать дальше удавалось лишь самым удачливым. Хью рос не так быстро, как другие, и его слабостью была скорость, вернее, ее отсутствие.

В тот день он вывихнул колено и, хромая, отправился в тень. К колену приложили лед и сообщили об этом тренеру, которого ничем не примечательный десятиклассник мало волновал. На следующий день Хью обратился к врачу, было диагностировано растяжение связок. Никакого футбола как минимум месяц. Несколько дней он еще приходил на костылях посмотреть тренировки, но потом наблюдать, как его приятели мучаются на жаре и в грязи, ему надоело. Чем дольше он смотрел, тем яснее понимал, что на самом деле футбол ему не нравится. Его игрой был бейсбол, хотя он и боялся, что в нем преуспеть ему уже не удастся. Летний сезон был провален. Бросок правой рукой, наводивший ужас на отбивающих с сорока пяти футов, был далеко не таким опасным с шестидесяти футов. Несмотря на все усилия проявить себя на горке и «пластине», в команду звезд его не включили. Кит вырос на четыре дюйма и стал еще быстрее на базах. Хью гордился своим приятелем, узнав, что тот попал в команду звезд, но страшно ему завидовал. Их дружба стала охладевать еще больше, когда в августе Кита сделали третьим запасным квотербеком, одним из пяти десятиклассников в команде. В помешанном на футболе городе авторитет Кита возрос, и круг его общения изменился. Ребята им восхищались. Болельщицы и девушки команды поддержки считали его красавчиком.

Теперь Хью был ничем не занят днем и несколько недель бездельничал, пока его отец не возмутился такой праздностью. Сам Лэнс никогда не сидел без дела и не мог допустить, чтобы его дети выросли лентяями. В его клубах и на объектах недвижимости всегда было много работы, и он приобщил к ней своего старшего сына, чтобы тот получал какие-то деньги. Рассчитывался Лэнс, конечно, наличными. Их у него было больше, чем у кого-либо в штате, и он никогда не скупился. Лэнс подарил Хью подержанный пикап и сделал посыльным. Ничего противозаконного тот не перевозил, в основном продукты для ресторанов и стройматериалы для возводимых объектов.

Кармен была крайне недовольна, что ее сын слоняется по клубам и общается с сомнительной публикой, но Хью нравилась работа и деньги. Она поговорила с Лэнсом, и муж пообещал присматривать за сыном и оберегать от неприятностей.

Однако у любопытного подростка, тем более сына владельца, знакомство с преступным миром не могло не вызвать самый живой интерес, и вскоре Хью встретил Невина Нолла за бильярдным столом в задней части «Стоянки грузовиков». Невин подарил ему пачку сигарет, угостил холодным пивом, и они быстро подружились. Он научил Хью играть в бильярд, покер и блекджек, а также преподавал основы ставок на лошадей и футбольные матчи. Вскоре Хью стал делать ставки на игры для своих школьных друзей. Пока Кит ежедневно усердно тренировался

на поле и сидел на скамейке запасных по пятницам, Хью зарабатывал, делая ставки на матчи университетских и профессиональных футбольных команд. Лэнс понимал, какие опасности подстерегают сына, но был слишком занят, чтобы обращать на это внимание. Он строил империю, которую Хью, вероятно, когда-нибудь унаследует. Рано или поздно его сыну придется вникнуть в особенности самой разной противоправной деятельности. Невин заверил босса, что присматривает за его сыном и ему не о чем беспокоиться. Лэнс в этом сомневался, но продолжал заниматься своими делами, надеясь на лучшее. Жизнь Хью резко изменилась, когда он увидел Синди Мэрдок, маленькую бойкую блондинку с чудесными карими глазами и потрясающей фигурой. Однажды днем он разгружал возле «Красного бархата» ящики с безалкогольными напитками, а она, пробегая мимо, поздоровалась. Хью был поражен и заинтересовался у бармена, кто она такая. Просто обычная девушка, такая же, как все остальные. Утверждала, что ей восемнадцать, хотя никто никогда не проверял.

Хью рассказал о ней Невину, который сразу же понял, чем это чревато, и решил не пускать дело на самотек. Он устроил свидание, и Хью в пятнадцать лет попал в новый мир. Мисс Мэрдок сразу овладела всеми его мыслями, и ни о чем другом он больше думать не мог. В то время как его одноклассники рассказывали грязные анекдоты, обменивались журналами с эротическими снимками и предавались фантазиям, Хью наслаждался настоящим при каждой возможности. Синди с готовностью откликалась на все, и ей льстило, что она держит на привязи сына самого мистера Малко. Невин забеспокоился, что об этом маленьком романе начнут судачить сотрудники, и нашел для влюбленных безопасное место в одном из дешевых мотелей, принадлежащих компании.

Лэнсу нравился растущий интерес Хью к бизнесу, но Кармен стала замечать в поведении сына пугающие перемены. Она нашла у него сигареты и поговорила с ним, но он ответил, что волноваться не стоит, потому что курят все. Это разрешалось даже в школе, если принести записку от родителей. Она почувствовала запах пива в его дыхании, на что он отреагировал со смехом. Черт побери, но она сама позволяла себе иногда что-нибудь выпить, Лэнс тоже, да и все их знакомые не отказывали себе в этом удовольствии. Хью не злоупотреблял спиртным, так что причин для беспокойства не было. Он прогуливал школу и воскресную мессу, а его окружение оставляло желать лучшего. Когда Лэнс пришел домой, Кармен поделилась с ним своими тревогами, но понимания не нашла – муж считал, что для подростка такое поведение естественно. Его новые интересы в жизни и безразличие как отца лишь усугубили напряженность в браке, который медленно разрушался.

Синди жила в дешевой квартирке с четырьмя другими работающими с ней девушками. Поскольку трудились они до поздней ночи, то часто спали до полудня. По крайней мере раз в неделю Хью прогуливал школу и будил их, принося чизбургеры и газировку. Он стал для них своим и любил слушать их рассказы о том, что с ними происходило. К ним часто приставали бармены, вышибалы и охранники. Они делились забавными историями о стариках, у которых ничего не получилось, и пьяницах с диковинными просьбами. Благодаря общению с этими проститутками Хью знал об этом бизнесе больше, чем бандиты, которые им управляли.

Однажды он пришел в квартиру поздно утром, однако все еще спали. Распаковывая принесенную еду, он увидел на кухонном столе сумочку Синди и решил проверить ее содержимое. Среди прочего там оказались ее водительские права. На самом деле Синди звали Барбара Браун, ей было шестнадцать лет, и она приехала из захолустного городка в Арканзасе.

То, что девушки, скорее всего, были моложе, чем говорили, ни для кого не являлось секретом. Вообще-то существовало правило восемнадцатилетнего порога, но никого это не волновало.

Проституция в любом случае была незаконной, так что возраст не имел никакого значения. Половина полицейских в городе были их клиентами.

Пару дней Хью было не по себе, поскольку его подруге всего шестнадцать, но потом он успокоился. Ему самому было на год меньше. Они встречались по обоюдному согласию, и им, безусловно, было хорошо вместе. Однако со временем, когда он привязался к Синди еще больше, ему становилось все труднее мириться с тем, что его девушка спит с любым мужчиной за деньги. По ряду причин, в первую очередь из-за возраста, Хью не пускали в клубы вечером, и он никогда не видел, как она в откровенных нарядах предлагает себя клиентам. Узнав, что Синди занялась стриптизом и приватными танцами, он попросил ее этого не делать. Когда она отказалась, они сильно поругались, и во время ссоры она напомнила Хью, что другие парни платят наличными за общение, которое тот получает бесплатно.

Невин предупредил его, что Лэнс интересовался его отношениями с девушкой. Кто-то из клуба настучал. Хью сказал ей, что им нужно слегка притормозить, и старался держаться от нее подальше. Он прожил неделю, не видя ее, но не мог думать ни о чем другом. Она встретила его с распростертыми объятиями.

Однажды днем Синди не явилась на свидание, и Хью обегал все улицы, пытаясь ее разыскать. После наступления темноты он решил проверить, нет ли ее дома, и был потрясен тем, что увидел. Левый глаз Синди распух и отливал синевой. Нижняя губа разбита. Сквозь слезы она рассказала, как прошлой ночью ее последний клиент, завсегдатай клуба, стал причинять ей боль и в конце концов влепил пощечину. В таком виде она несколько дней не сможет появиться на работе, а ей, как всегда, очень нужны деньги.

Вопрос был серьезным, и не просто в силу очевидных причин. Юную девушку избил зверь, которому не менее сорока лет. Для возбуждения уголовного дела имелись все основания, но Хью знал, что полицию вызывать не станут. Если Синди пожалуется сутенеру, с обидчиком разберутся «своими силами». Лэнс защищал работавших на него девушек и хорошо им платил, что обеспечивало их постоянный приток из самых разных мест. Если станет известно, что в его клубах небезопасно, то бизнес пострадает. Накануне вечером Синди в спешке покинула клуб и ничего не сказала менеджеру. Она побоялась, что с ней случится истерика. Сейчас она боялась всего и нуждалась в поддержке. Хью пробыл возле нее несколько часов, прикладывая лед к распухшему лицу.

На следующий день он нашел Невина Нолла и рассказал о случившемся. Невин пообещал разобраться. Поговорив с менеджером, он выяснил личность того клиента. Через три дня, когда Синди вернулась к работе, скрыв повреждения под толстым слоем макияжа, Невин предложил Хью прокатиться с ним в одно место.

– А куда? – поинтересовался тот, хотя это не имело никакого значения. Он восхищался Ноллом и хотел, чтобы их отношения стали еще ближе. Во многих смыслах он воспринимал его как старшего брата, всегда готового протянуть руку помощи.

– Мы едем в Паскагулу посмотреть новые «Крайслеры», – ответил Нолл с улыбкой.

– Хочешь купить?

– Не-а. Полагаю, машины там продает наш парень. Давай заедем и поговорим.

– Звучит заманчиво.

– Ты просто посидишь в машине, ладно? Говорить буду я.

Через полчаса они припарковались возле ряда красивых новых седанов «Крайслер». Невин вылез из машины, подошел к одному из них, обошел и принялся изучать наклейку на ветровом стекле. К нему с широкой улыбкой подошел продавец. Он протянул руку, будто старому другу, но Невин никак не отреагировал.

– Мне нужен Роджер Брюэр.

– Это я. Чем могу быть полезным?

– Ты был в «Красном бархате» в понедельник вечером.

Брюэр перестал улыбаться, оглянулся через плечо и, пожав плечами, процедил:

– И что?

- Ты снял одну из наших девочек. Синди.
- Да в чем дело?
- Может, я хочу купить машину.
- Да кто ты такой, черт возьми?
- Она весит всего сто десять фунтов, а ты ее ударил.
- И что?

Брюэр выглядел как человек, привыкший распускать руки и не брезгующий насилием. Расправив плечи, он ухмыльнулся.

Невин шагнул вперед и, оказавшись на расстоянии удара, произнес:

- Она же совсем ребенок. Что же ты не трогаешь людей своей весовой категории?
- Вроде тебя?
- Хотя бы.

Поразмыслив, Брюэр посоветовал:

- Убирайся отсюда.

Хью пригнулся на переднем сиденье еще ниже, но все видел. Окно с его стороны было опущено, и он слышал весь разговор.

- Больше там не показывайся, – бросил Невин. – Для тебя вход закрыт.
- Да пошел ты к черту! Я буду делать что захочу.

Первый удар оказался таким быстрым, что Хью его чуть не пропустил. Короткий хук справа прямо в челюсть Брюэра, от которого у него дернулась голова, а сам он, пошатнувшись, едва не опрокинулся на капот новенького седана. Однако ему удалось устоять, и он, размахнувшись, нанес дикий правый хук с разворота. Невин легко увернулся и ответил Брюэру сильным ударом правой в живот. Тот взвизгнул от боли. Комбинацией «левый-правый-левый» Невин рассек ему брови и разбил губы, а мощным правым хуком отбросил на капот седана. Дернув Брюэра за ноги, Невин стащил его с капота, и тот, падая, ударился затылком о бампер. Лежащему на асфальте противнику Невин нанес удар ногой в нос и, казалось, был готов забить его до смерти.

- Эй! – крикнул кто-то, и Хью увидел двух бегущих к ним мужчин.

Невин не обратил на них внимания и ударил Брюэра ногой по лицу еще раз. Первого из подбежавших мужчин Невин сбил с ног левым хуком. Второй замер, быстро соображая.

- Ты кто?

Как будто это имело значение. Схватив его за узел галстука, Невин ударил головой о левое переднее колесо седана. Когда все трое оказались на земле, Невин вернулся к Брюэру и дважды саданул его ногой в пах. Вторым ударом он раздробил ему мошонку, отчего тот истошно взвыл, будто умирающее животное.

Невин сел в машину, завел двигатель и как ни в чем не бывало спокойно тронулся. Когда они выезжали со стоянки, Хью оглянулся. Все трое все еще не могли опомниться, хотя второй мужчина уже стоял на четвереньках и пытался собраться с силами.

Несколько минут они ехали молча, а потом Невин спросил:

- Хочешь мороженого?
- Само собой.
- Тут через дорогу есть одна кафешка «Тейсти фриз», – небрежно заметил Невин, будто ничего не произошло. – Там подают лучшие банановые коктейли на Побережье.
- Годится.

Хью никак не мог прийти в себя, но все-таки спросил:

- А те парни вызовут полицию?

Невин рассмеялся, услышав такую глупость.

– Нет. Они не дураки. Если они вызовут полицию, я навещу жену Брюэра. Закон джунглей, парень.

– А они тебя не беспокоят?

– В смысле?

– Ну, тот первый парень, Брюэр... может, ты его покалечил.

– Надеюсь, что так и есть. В этом весь смысл, парень. Ты причиняешь им боль, но не убиваешь. Он только что получил урок, который никогда не забудет, и больше не поднимет руку на наших девочек.

Хью только покачал головой.

– Это просто невероятно. Ты вырубил всех троих в мгновение ока.

– Ну, скажем, у меня есть кое-какой опыт.

– Значит, ты так делаешь все время?

– Нет, не все время. Большинство наших клиентов знают правила. Но иногда у нас появляется козел вроде Брюэра, и тогда приходится его прогонять. Чаще приходится иметь дело с заезжими парнями, которые напиваются и начинают драться.

Невин свернул к «Тейсти фриз» и припарковался. Заказав два больших банановых коктейля, он включил по радио станцию, которая была любимой и у Хью.

– Ты когда-нибудь занимался боксом? – спросил Невин.

Хью отрицательно покачал головой.

– А мне в детстве пришлось много поработать кулаками. Другого выбора не было. Один из моих дядей боксировал в армии, пока его не выгнали, и он научил меня основам бокса. И мы не всегда использовали перчатки. Когда мне было шестнадцать, я нокаутировал его. Он сказал, что у меня самые быстрые руки, которые ему довелось видеть. Он посоветовал мне пойти в армию или военно-воздушные силы, чтобы, в первую очередь, убраться к чертям из гор, а во вторую, чтобы продолжать заниматься боксом и боксировать в нормальных командах.

Невин закурил сигарету и взглянул на часы. Хью посмотрел на его руки и не увидел следов драки.

– А в «Кислере» тебе удалось заняться боксом? – поинтересовался Хью.

– Немного, да, но драться с янки, которые всегда нас унижали, было круче. Я попал в заварушку, и меня в конце концов выгнали. Кроме того, я терпеть не мог носить форму.

Миловидная девушка на роликах подкатила к их машине и привезла молочные коктейли. Когда они снова мчались в Билокси по автострате номер 90, Невин решил дать своему юному протеже житейский совет. Потянув через соломинку коктейль, он сказал:

– Насчет девушки, с которой ты встречаешься. Синди. Не слишком привязывайся к ней, ладно? Знаю, знаю, сейчас ты пылаешь щенячьей любовью, но от нее одни неприятности.

– Ты сам меня с ней свел.

– Это верно, но свое ты уже получил, так что двигайся дальше. Увидишь, на свете полно женщин.

Хью тоже отпил напиток через соломинку, размышляя над непрошеным советом.

– Она исчезнет раньше, чем ты поймешь, – продолжил Невин. – Они все приходят и уходят. Она слишком красива, чтобы застрять здесь. Просто вернется домой и выйдет замуж за какого-нибудь давнего знакомого.

– Ей всего шестнадцать.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

– Ничего удивительного. Они все врут.

Хью замолчал, размышляя о жизни без Синди Мэрдок. Невин и так сказал слишком много и решил, что пора заткнуться. Ему было всего двадцать три года, и, хотя он немало повидал, никогда не влюблялся в женщину.

От неожиданного воя сирены они оба вздрогнули. Хью обернулся и увидел помощника шерифа в бело-голубой патрульной машине.

– Вот черт! – сказал Невин, съезжая на обочину оживленного шоссе. Затем перевел взгляд на Хью и сказал, улыбаясь: – Я разберусь.

Невин вылез из машины и подошел к помощнику шерифа. К счастью, он оказался из округа Гаррисон. Они пересекли границу округа Джексон всего милю назад.

Округ Гаррисон был вотчиной шерифа Альберта Фэтса Боумана, который, по слухам, являлся самым высокооплачиваемым государственным служащим в штате, в чьей декларации о доходах фигурировала лишь крошечная их часть.

Помощник шерифа явно упивался властью и демонстрировал свою крутизну.

– Ваши права, пожалуйста.

Невин передал ему водительское удостоверение, стараясь держаться вежливо. Он знал, что будет дальше, а вот помощник шерифа – нет.

– Нам звонили из Паскагулы, – сказал тот, – и сообщили, что парню за рулем такой же машины нужно ответить на несколько вопросов. Что-то о нападении на офис продаж «Крайслер».

– И в чем вопрос?

– Вы были в «Крайслере» в Паскагуле?

– Только что оттуда. Встречался с человеком по имени Роджер Брюэр. Скорее всего, он сейчас в больнице, где его зашивают. В понедельник вечером Брюэр был в «Красном бархате» и избил одну из наших девушек. Больше он этого не делает.

Помощник шерифа вернул водительское удостоверение и огляделся, не совсем понимая, как поступить дальше.

– Значит, насколько я понял, вы работаете в «Красном бархате».

– Именно так. Лэнс Малко – мой босс. Он и послал меня к Брюэру. С нашей стороны претензий нет.

– Хорошо. Думаю, тогда все в порядке. Я свяжусь с Паскагулой и сообщу, что никто похожий у нас не проезжал.

– Отлично. Могу я узнать ваше имя? Мистеру Малко будет интересно.

– Конечно. Уайли Гаррисон.

– Спасибо, помощник Гаррисон. Если когда-нибудь вам захочется выпить, просто дайте мне знать.

– Я не пью.

– Все равно спасибо.

Глава 7

Ресторан морепродуктов «У Баричева» располагался на пляже Билокси рядом с центром города. Он пользовался большой популярностью, и мест в нем всегда не хватало. Его предпочитали посещать местные жители, туда мечтали попасть и туристы, знавшие об отличных отзывах посетителей. Обычно желающим приходилось долго ждать на улице, пока освободится столик, потому что забронировать его заранее было невозможно из-за нежелания администрации вести какие-либо записи. Вместе с тем отдельным местным жителям всегда предоставлялся их любимый столик без всякого ожидания.

Шериф Альберт Фэтс Боуман был постоянным посетителем и предпочитал сидеть за одним и тем же угловым столиком. Он трапезничал там по крайней мере раз в неделю, а счет всегда оплачивал владелец ночного клуба или гостиничный оператор. Любимыми блюдами шерифа были клешни краба и фаршированная камбала, и он нередко проводил там по несколько часов.

Он никогда не появлялся в ресторане в форме, предпочитая принимать пищу в хорошем, пусть и мятом костюме свободного покроя. Шериф не хотел привлекать ненужного внимания, хотя его и так все отлично знали. Кое-кто был о нем невысокого мнения из-за его заслуженной репутации взяточника, но он оставался политиком старой школы, не ленившимся пожимать всем руки и целовать каждого младенца. Это окупалось неизменными перевыборами на новый срок с убедительным отрывом от конкурентов.

Фэтс и его заместитель и водитель Радд Килгор приехали рано и ждали мистера Малко, потягивая виски с содовой. Он появился ровно в восемь в сопровождении своего главного подручного по прозвищу Наконечник. Привез их, как обычно, Невин Нолл, который остался ждать в машине. Лэнс ему безоговорочно доверял, но все же считал, что для участия в деловых встречах тот слишком молод.

Все четверо пожали друг другу руки, обменялись приветствиями, как старые друзья, и расселись за столом. Поскольку ужин предполагался долгий, заказали еще выпить.

Лэнс организовал встречу не просто так. Обычно подобные трапезы были не чем иным, как приятным способом выразить признательность продажному шерифу, который, получая взятки, не лез в их дела. Однако время от времени они собирались для обсуждения проблем, вызывавших беспокойство.

Когда на середину стола водрузили большое блюдо с сырыми устрицами, они принялись за еду.

Боуману нужно было решить пустяковый вопрос.

– Вы что-нибудь слышали о парне по имени Уинслоу? Его еще называют Бутч, – поинтересовался он.

Лэнс бросил взгляд на Наконечника, который тут же покачал головой. Ответ на любой прямой вопрос, особенно заданный копом, Наконечник всегда начинал с короткого «нет».

– Не думаю, а это кто? – отозвался Лэнс.

– Я так и решил. В прошлые выходные его нашли в канаве рядом с Нелли-роуд, в полу-миле от автострады номер 49. Он был жив, но избит до полусмерти. Сейчас в больнице. Последнее известное место работы – яхт-клуб. Мы расспрашивали и выяснили, что Бутч был крупье в блек-джек и шельмовал. Кто-то сказал, будто раньше он работал у вас, парни, на «Стоянке грузовиков».

Наконечник улыбнулся:

– Да, теперь припоминаю. Мы поймали его на краже и выгнали. Примерно год назад.

– Без всяких последствий?

– Это были не мы, шериф, – заверил Наконечник.

– Понятно. Послушайте, ребята, вы же знаете, я не вмешиваюсь в воспитательные меры, если нет трупа. Но этого парня забили почти до смерти.

– К чему все это, шериф? – спросил Лэнс.

– Мне это не нужно.

– Ясно.

Наконецник заказал еще два кувшина пива, и все занялись устрицами. Когда настало время перейти к делу, Боуман спросил:

– Так что ты хотел обсудить?

Лэнс чуть подался вперед:

– Ну, в городе и правда становится тесно. Даже слишком. И до нас дошли слухи, что к нам присматривается новая команда.

– Но ты же в полном порядке, Лэнс, – заметил Боуман. – У тебя есть свои клубы и бары, и их больше, чем у кого-либо другого. По нашим прикидкам, ты управляешь по меньшей мере третью бизнеса на Побережье.

Шериф произнес это так, будто не был уверен в достоверности расчетов. Однако на самом деле он все досконально отслеживал и брал на заметку. Когда он говорил нечто вроде «по нашим прикидкам», это означало, что ему точно известно, какая доля нелегального бизнеса находилась под контролем Малко.

– Возможно, но задача в том, как это сохранить. Ты наверняка слышал о Пограничной банде.

– Слышал, но не сталкивался.

– Так вот, она уже здесь. Месяц назад до нас дошел слух, что они переезжают. Похоже, на границе стало слишком жарко, и они решили перебраться на юг. Билокси им кажется привлекательным, поскольку среда тут для бизнеса благоприятная.

Подозвав официантку, шериф заказал суп гумбо, клешни краба и фаршированную камбалу. Когда она ушла, он заметил:

– Плохие парни, судя по всему.

– Да уж. У нас есть человек, который на них работал и хорошо знает. Его за что-то выгнали, и он говорит, ему повезло унести ноги.

– У них уже есть заведение?

– Вроде бы они пытаются купить «О’Мэлли».

Боуман нахмурился и пристально посмотрел на Килгора. Новость им не понравилась – прежде всего потому, что новые ребята в городе с ними не связались. Правила взаимодействия были просты: для функционирования любого незаконного заведения в округе Гаррисон требовалось заручиться одобрением Фэтса Боумана. Необходимо было платить взносы, которыми тот затем делился с полицейскими и политиками. Конкуренция Фэтса не смущала. Чем больше в городе работало клубов и баров, тем больше денег он получал. Банды могли воевать между собой, если это не уменьшало размер его доходов.

– Ты неплохо справляешься с защитой своей территории, Лэнс. И сумел укрепиться. Чего ты хочешь от меня? – поинтересовался он.

– Ну, не знаю, шериф. Может, прогнать их? – отозвался Лэнс со смехом.

Фэтс тоже рассмеялся и закурил. Выпустив облачко дыма, он положил сигарету в пепельницу.

– Это твоя игра, Лэнс. Я не регулирую коммерцию. Я просто слежу, чтобы вы, ребята, оставались в деле.

– И мы это ценим, шериф, но пойми меня правильно. Остаться в бизнесе и моя цель тоже. Сейчас и для меня, и для вас дела идут как никогда хорошо, и я хочу, чтобы так оставалось и впредь. Все играют по правилам, никто не зарывается, по крайней мере на данный момент. Но если мы позволим этой банде здесь обосноваться, то беды не избежать.

– Будь осторожен, Лэнс. Если кого-то убьют, то придет ответка. Око за око и все такое. Ничто так не распаляет здешних доброхотов, как бандитские разборки. Тебе надо, чтобы о твоём бизнесе писали на первых полосах газет?

– Нет, и я думаю, что сейчас для тебя самый удобный момент это предотвратить. Перекрой новым ребятам кислород и избавься от них. Если они купят «О’Мэлли», закрой его. Они не станут в тебя стрелять, шериф. Не настолько же они безумны.

Гумбо подали в больших мисках, а устрицы из раковин были извлечены. Наконечник снова наполнил все кружки пивом, и мужчины принялись за еду. Немного погодя Боуман произнес:

– Давайте немного подождем. Я поговорю с О’Мэлли, посмотрим, что он скажет.

Лэнс, хмыкнув, улыбнулся:

– Ничего, как всегда.

Паб «О’Мэлли» располагался на старом складе всего в одном квартале от Стрипа. Как-то днем через пару недель после встречи в заведении «У Баричева» заместитель шерифа Килгор заехал в этот бар. Внутри было темно и тихо, слишком рано для скидок «счастливого часа». Двое байкеров играли в бильярд у дальней стены, а один завсегдатай держался, пошатываясь, за стойку.

– Что желаете? – с улыбкой спросил бармен.

– Мне нужен Чик О’Мэлли.

Бармен больше не улыбался.

– Это бар. Желаете что-нибудь выпить?

– Я уже сказал, что мне надо. – Килгор, одетый в пиджак и при галстукке, вытащил из кармана жетон и помахал им перед барменом, который внимательно его изучил.

– Чика здесь больше нет. Он продал бар.

– Да ты что?! И кто же новый владелец?

– Ее нет.

– Я не спрашивал, на месте ли она. Я спросил, кто новый владелец.

– Джинджер.

– Я арестовываю женщин, у которых есть только имя и нет фамилии.

– Джинджер Редфилд.

– Похоже, дело сдвинулось с мертвой точки. Позвони ей и скажи, что я жду.

Бросив взгляд на наручные часы, бармен сообщил:

– Она должна быть здесь с минуты на минуту. Вам дать что-нибудь выпить?

– Черный кофе. Свежемолотый.

– Сейчас вернусь.

Килгор сидел у стойки и разглядывал бутылки под зеркалом. Кофе явно не был свежемолотым, но он все равно его выпил. Судя по всему, Джинджер воспользовалась запасной дверью, потому что через парадную никто не входил. Пятнадцать минут спустя бармен снова появился со словами:

– Джинджер готова с вами встретиться.

Килгор знал, где находится офис, потому что несколько раз в него заходил собирать дань. Он последовал за барменом в заднюю часть дома и поднялся по узкой лестнице, ведущей в длинный темный коридор с рядом маленьких дверей слева. Проституция не была приоритетом нелегальной деятельности О’Мэлли. Чик зарабатывал на выпивке и покере, но почти каждое увеселительное заведение города имело наверху несколько комнат. Так, на всякий случай. Стены пахли свежей краской, ворсистый ковер под ногами был новым.

Чувствовалась женская рука. Джинджер открыла дверь своего кабинета в конце коридора и кивнула Килгору, приглашая войти. Бармен исчез. Джинджер оказалась довольно грузной женщиной лет пятидесяти, одетой в узкое платье с чересчур глубоким вырезом. Ее груди были

приподняты едва ли не к подбородку, отчего она выглядела несколько нелепо, хотя Килгор старался этого не замечать. Волосы выкрашены в черный цвет и вполне соответствовали густой туши для ресниц. По-мужски пожимая Килгору руку, она радушно улыбалась.

– Приятно познакомиться. Джинджер Редфилд.

Голос у нее был низкий и хриплый, какой бывает у заядлых курильщиков.

– Взаимно. Радд Килгор.

– Я все гадала, когда же вы, ребята, заедете.

– Вот я и заехал. Не возражаете, если поинтересуюсь, когда вы вступили во владение?

– Пару недель назад.

– Вы из местных или приезжая?

– Ну, это как посмотреть.

Килгор улыбнулся, будто остался доволен услышанным, но тут же произнес:

– От таких ответов обычно одни неприятности, мисс Редфилд.

– Зовите меня Джинджер. Я родом из Мобила, последние несколько лет провела на границе штата.

– Зовите меня Килгор. Заместитель шерифа округа Гаррисон.

За сутки Фэтс и Килгор выяснили, что Джинджер Редфилд и ее муж управляли салоном на границе между штатами Теннесси и Миссисипи и за ней тянется длинный шлейф нарушений закона. Ее муж отбывал десятилетний срок в Теннесси за непредумышленное убийство бутлегера. Старший сын сидел во Флориде по федеральному обвинению в хранении оружия. Не отставал от родных и младший сын, который подозревался в двух убийствах и в настоящее время скрывался. Ходили слухи, что он был наемным убийцей.

Информацию предоставил шериф округа Алкорт, штат Миссисипи, ветеран с двадцатилетним стажем, хорошо знавший эту семью. Согласно его довольно сумбурному рассказу Джинджер и ее подельники воевали с другими владельцами клубов вдоль границы штата.

– При разборках эти сукины дети всегда хватаются за стволы и начинают палить друг в друга, – заметил шериф. – Жаль, что не научились стрелять получше. Нам они точно здесь не нужны.

Как бы то ни было, кто-то поднял белый флаг, было заключено перемирие, и все улеглось, пока муж Джинджер не убил бутлегера в разборке из-за грузовика спиртного. Она все продала и исчезла. За последний год она в тех краях не появлялась.

– Рад, что теперь это твоя головная боль, приятель. От этой бабы одни неприятности.

– Где Чик? – спросил Килгор.

Джинджер вдруг мило улыбнулась, отчего жесткие черты лица неожиданно смягчились. Двадцать лет и тридцать фунтов назад она, похоже, была настоящей красавицей, но после многолетнего содержания в притонах лицо покрылось морщинами и стало грубым. Она закурила сигарету без фильтра, а Килгор – с ментолом.

– Не знаю, – ответила она. – Он не говорил, а я не спрашивала. Мне показалось, он хотел уехать из города.

– Правда? И вы взяли на себя все обязательства этого бара?

– Вам не кажется, что это уже мое дело?

– Думаешь, что хочешь. Чик просрочил внесение взносов.

– Взносов?

– Послушай, Джинджер, я не настолько глуп, чтобы поверить, будто Чик продал тебе это место, не объяснив, что к чему. А самое главное – это то, что заведение будет работать, если действует бизнес-лицензия.

Она снова улыбнулась, глубоко затянулась и сказала:

– Кажется, он что-то говорил о лицензии. Я так понимаю, выдают их не в торговой палате.

– Смешно! Их выдаем мы, и они стоят тысячу долларов в месяц. Чик задолжал за два месяца. Если хотите работать, долг нужно погасить.

– Довольно круто, Килгор. Высокая цена за защиту.

– Мы не занимаемся защитой и не вмешиваемся в уличные разборки или территориальные войны. Лицензия просто позволит вам оставаться в бизнесе и вести себя прилично, придерживаясь рамок закона. В какой-то степени.

– Рамок закона? Все, что мы продаем, незаконно.

– И ты продашь много, если будешь держать цены на уровне, защитишь своих девочек и сведешь к минимуму драки и надувательство. Вот это мы и называем приличным поведением.

Она пожала плечами и, казалось, согласилась.

– Хорошо, значит, мы должны две штуки, верно?

– Три. Две – это долг и еще одна за текущий месяц. Все наличными. Завтра в это же время я пришлю парня по имени Гейб. Ты его легко узнаешь – у него только одна рука.

– Однорукий бандит.

– Ха-ха. К слову об игровых автоматах. Если вы занимаетесь долгосрочным планированием, то они – настоящее золотое дно.

– Уже заказали. Количество не ограничено?

– У нас нет ограничений. Как ты будешь управлять этим заведением, зависит только от тебя. Просто веди себя прилично, Джинджер.

Килгор затушил сигарету в пепельнице на ее столе и повернулся к двери. Потом, помедлив, улыбнулся ей и сказал:

– Послушай, в качестве жеста доброй воли хочу предупредить вот о чем. Ваша репутация бежит впереди вас, и ваше появление может не понравиться другим лицензиатам.

– Уже есть проблемы?

– Возможно. Кое-кому стало известно о Пограничной банде, и люди встревожены.

Она рассмеялась:

– А, это. Ну, скажите им, чтобы расслабились. Мы пришли с миром.

– Они вряд ли это поймут. Им не нравится конкуренция, особенно со стороны других организаций.

– Нас вряд ли можно назвать организацией, мистер Килгор. А банда отсюда далеко.

– Будь осторожна.

Он открыл дверь и вышел.

Глава 8

Проработав в юридической фирме три года единственным адвокатом, Джесси Руди был готов к смене обстановки. Два пожилых джентльмена, которые наняли его после сдачи экзамена на адвоката, в течение двух десятилетий неторопливо занимались юридической практикой, довольствуясь оформлением бумаг и решением вопросов, не требовавших судебного разбирательства.

Джесси же нравилось напряжение и сложности судебных разбирательств, и свое будущее он видел именно в залах суда. Скоро ему исполнится сорок лет, у него четверо детей, и он знал, что составление завещаний и договоров не принесет необходимого дохода. Они с Агнес решили рискнуть, взяв кредит в банке и открыв собственную контору. Она подрабатывала секретарем, когда это не мешало воспитанию детей. Джесси теперь работал еще больше и использовал свои связи на Пойнте, чтобы найти перспективные дела. Он вызывался защищать неимущих обвиняемых и оттачивал свое мастерство в зале суда. Большинство юристов в Билокси, как и во многих небольших городках, предпочитали стабильность тихой офисной практики. Джесси же был амбициозен и видел возможность прилично заработать, влияя на вердикты присяжных.

Двери его нового офиса на Говард-авеню были открыты для всех, и он не отказывал никому, кто нуждался в услугах адвоката. Вскоре работы стало еще больше, чем раньше, и ему нравилось оставлять гонорары себе. Как единственному практикующему юристу, ему не надо было делиться своим доходом ни с кем, кроме Агнес. Она вела бухгалтерию и лучше мужа умела отделять зерна от плевел.

Как-то ранним утром Джесси сидел в кабинете один, когда на входной двери звякнул колокольчик. Не выйти он не мог. На этот час не было назначено ни одной встречи, так что звонок мог означать только появление нового клиента.

Он вышел и поздоровался с Гаем и Милли Мозли из Лаймы, штат Огайо. Им было за пятьдесят – хорошо одеты, у обочины припаркован «Бьюик» последней модели. Джесси провел их в переговорную и принес три чашки кофе.

Они начали с извинений за столь ранний визит, но случилось нечто ужасное: они разорены и находятся далеко от дома. Их двухнедельная поездка в Тампу и обратно подходила к концу, и они направлялись в Новый Орлеан, чтобы там переночевать, и тут с ними случилась настоящая трагедия.

Было видно, что они не пострадали физически. Их красивая машина, припаркованная у обочины, казалось, была в полном порядке. Будучи юристом, практикующим в Билокси, Джесси сразу же заподозрил неприятности, связанные с теневой стороной жизни города.

Гай начал рассказ, а Милли то и дело промокала салфеткой покрасневшие и опухшие глаза. Он то и дело поглядывал на нее, будто отчаянно нуждался в поддержке, однако все его надежды были напрасны. Не вызывало сомнения, что он облажался, оказался лузером, а она пыталась отговорить его от глупости, которую он совершил, и потому он должен покаяться и молить о прощении.

Через пять минут Джесси стало абсолютно ясно, что произошло. Первой подсказкой было место. Закусочная «Синяя метка» на автостраде номер 90 с видом на пляж. Старая и грязная забегаловка, рекламировавшая домашнее печенье и дешевые бифштексы. Несколько лет назад ее купил мошенник по имени Шайн Таннер, который оставил кафе в прежнем виде, но добавил позади пристройку, где устраивал вечера «бинго с пивом», собиравшие толпы людей. У него играли в карты, имелось несколько игровых автоматов, но девушки отсутствовали. Он предпочитал охотиться на пожилых людей и держаться от солдат и студентов колледжа подальше.

– Итак, уже стояло позднее утро, когда мы хорошо позавтракали. Народу не было, – рассказывал Гай.

Это была вторая подсказка. Шайну нравилось обманывать приезжих, когда никто не видел.

– Нам принесли счет, около двух долларов. Я уже собирался заплатить, когда официантка, ее звали Лонни, спросила, нравится ли нам играть в азартные игры. Мы не знали, что ответить, и она сказала: «Послушайте, здесь все в них играют. Это просто безобидное развлечение. Вот колода карт. Я вытаскиваю одну. Вы вытаскиваете свою. Если ваша карта старше, то завтрак бесплатный. Если нет, то платите вдвойне. Простая игра, пан или пропал».

– У нее в кармане была колода карт. Я уверена, они были краплеными, – вставила Милли.

Гай улыбнулся жене, которая в ответ лишь поджала губы. Вздохнув, он продолжил:

– Так вот. Она перетасовала колоду, я хочу сказать, что эта девчонка действительно ловко тасовала, и после трех попыток я выиграл четыре доллара. Потом восемь. Затем их проиграл и вернулся к нулю. Но вскоре опять выиграл восемь. Тут появился еще один клиент, и она приняла его заказ. Я не мог уйти, поскольку она была мне должна восемь баксов.

– Я хотела уйти, – снова вставила Милли.

Гай никак не отреагировал на ее слова и отпил несколько глотков кофе. Когда он заговорил, его голос стал ниже.

– И тут появляется этот тип, думаю, что владелец, очень дружелюбный, и спрашивает, не хотим ли мы посмотреть его казино.

– Невысокий, абсолютно лысый, очень загорелый?

– Это он. Вы его знаете?

– Он владелец.

Следующая подсказка. Шайн Таннер прибыл на место действия, чтобы расставить ловушку.

– Она заплатила нам восемь долларов, и мы последовали за ним через дверь в казино, пристроенное позади закусочной. В нем было темно и пусто. Он сказал, что казино закрыто до шести часов, но у него есть новая игра, которую он хотел нам показать.

– «Болита»? – уточнил Джесси.

– Да, вы там были?

– Нет, но я слышал о столе «Болита». Еще ее называют «Рэзл».

– Он так и сказал. Там был зеленый войлочный стол, похожий на большую шахматную доску, с квадратами, пронумерованными от одного до пятидесяти. Он сказал, что игра состоит в том, чтобы бросать кости и вести арифметические подсчеты, выиграть в ней легко. Он также спросил, не хочу ли я положить несколько долларов, тогда он покажет, что к чему. Потом заглянула Лонни и спросила, не желаю ли я выпить. Владелец сказал, что бар закрыт, и они долго спорили из-за того, можно ли им предложить мне выпить. Выпивать мне не хотелось, но после этих препирательств я почувствовал себя обязанным попросить пива.

Милли покачала головой и уставилась в стену.

– Итак, он потряс кости в стакане и выбросил их, а затем почти так же быстро собрал. Сказал, что выпало тридцать восемь. Он положил два моих доллара на номер тридцать восемь. Если бы следующий бросок был выше, я бы выиграл. А если ниже, то проиграл, но были и другие правила, о которых он сообщал в ходе игры. Он сказал, что единственный способ проиграть – это перестать играть до выигрыша десяти игр. Я не уверен, что до конца понял все эти правила.

– Так и есть, – услужливо согласилась Милли.

– Лонни принесла мне пива.

– А времени было всего пол-одиннадцатого, – снова вставила Милли.

– Да, дорогая, всего пол-одиннадцатого, и мне следовало остановиться. Мы уже говорили об этом, и не раз. Я должен был выйти и сесть в машину, чтобы сохранить наши деньги. Теперь ты довольна?

– Нет.

Джесси услышал достаточно. Подобные происшествия были обычным явлением на Побережье – туристов из среднего класса, которые ездили в хороших машинах с номерами других штатов, разводили на деньги и обчищали карточные акулы и шулеры в казино. Он поднял обе руки, призывая к молчанию, и сказал:

– Послушайте, давайте ближе к делу. Сколько денег вы оставили в той забегаловке?

– Шестьсот долларов – все, что у нас было, – тут же выпалила Милли. – Нам не на что даже купить бензин, чтобы добраться до дома. Как ты мог быть таким идиотом?

Бедный Гай лишь поник головой после очередного выпада жены. Было видно, что в предыдущие часы он слышал кое-что и похуже.

– Разве нельзя что-нибудь предпринять? – Милли умоляюще посмотрела на Джесси. – Он же точно ловкий аферист, который обманул нас и украл наши деньги. Должен же быть какой-нибудь закон про это в нашем отсталом государстве!

– Боюсь, что нет, мэм. Все азартные игры запрещены в Миссисипи, но мне стыдно признаться, что здесь, на Побережье, этот запрет нарушается.

– Мы же заехали только позавтракать.

– Я знаю. Такое происходит постоянно.

Они замолчали. Милли снова начала плакать, а Гай устался в пол, словно желая провалиться сквозь землю. Джесси взглянул на часы. Он впустую потратил на этих бедолаг почти двадцать минут.

– Расскажи ему остальное! – рявкнула на мужа Милли.

– О чем ты?

– Сам знаешь, про сегодняшнее утро.

– Ах, про это. Ну, нам не на что было ехать в Новый Орлеан, и мы сняли неподалеку дешевый номер. Сегодня утром мы первым делом вернулись в закусочную, поскольку прошлой ночью я не сомкнул глаз, намереваясь высказать этому человеку все, что думаю, и вернуть свои деньги. Но когда мы подъехали, то увидели, что там завтракают двое полицейских. Я вошел и посмотрел на Лонни. Она смерила меня нахальным взглядом и спросила, что мне нужно. Я ответил, что пришел за своими деньгами. Тогда она сказала, что скандалы им не нужны, и попросила уйти. Я снова потребовал свои деньги. А потом ко мне вдруг подошли полицейские, вытолкали на улицу, велели уезжать и никогда больше здесь не появляться.

Милли, молчавшая достаточно долго, обратилась к Джесси:

– Его чуть не арестовали, помимо всего прочего. Вот была бы картина! Крутой Гай Мозли в вытрезвителе с кучей алкашей.

Джесси снова воздел вверх руки, призывая к молчанию, и сказал:

– Все понятно. Я очень сожалею о том, что случилось, но ничего не могу сделать.

– Вы не можете подать на него в суд? – удивился Гай.

– Нет, законных оснований для иска нет.

– А как насчет воровства? – вмешалась Милли. – Это было чистой воды мошенничество, они просто ждали появления подходящего простака. Боже, и дождались!

– Хватит! – не выдержав, рявкнул Гай. – Ты же видела тех полицейских. Черт, наверняка они тоже в деле.

Джесси подавил усмешку и подумал: *Наконец-то он в чем-то прав.*

– Он забрал даже наши дорожные чеки, – пробормотала она.

– Пожалуйста, замолчи, – попросил жену Гай.

Не обратив на это внимания, она продолжила:

– Игра затягивала его все больше и больше. Я все твердила: «Давай уйдем отсюда». Но нет, мистер Игрок По-крупному не хотел уходить. Мошенник время от времени позволял ему выигрывать – ровно настолько, чтобы он не сорвался с крючка. Я разозлилась, ушла к машине и стала ждать, отлично понимая, что он спустит все. Наконец он вышел, готовый заплакать, и выглядел так, будто повстречал привидение. Ему еще повезло, что с него не сняли рубашку.

– Пожалуйста, Милли.

Джесси очень хотелось, чтобы они покинули его офис, пока не разругались в пух и прах. Он даже подумал, не порекомендовать ли им хорошего адвоката по разводам, но для этого им сначала нужно было вернуться домой. Он посмотрел на часы и спокойно сказал:

– Мне в девять нужно быть в суде, так что давайте прощаться.

Теперь расплакаться был готов Гай. Он вытер лицо и хриплым голосом спросил:

– Не могли бы вы одолжить нам пятьдесят долларов, чтобы вернуться в Огайо?

– Извините, но адвокату неэтично давать деньги взаймы клиенту.

– Мы вернем их, клянусь, – заверила Милли. – Как только окажемся дома.

Джесси поднялся, стараясь держаться вежливо.

– Мне очень жаль.

Они ушли, не поблагодарив. Он слышал, как они продолжали ругаться, направляясь к своему «Бьюику», и мог представить, до чего доведут друг друга, пока будут добираться до дома.

Налив себе еще чашку кофе, он вернулся в переговорную, сел в кресло и устремил взгляд в окно. Ему отчасти было жаль эту пару, но, прояви они благоразумие, не потеряли бы время и деньги и не нажили бы себе проблем. На Побережье приезжало немало людей, желавших пощекотать себе нервы и отлично знавших, куда ради этого отправиться. Но были такие, кто, подобно Мозли, оказывался здесь проездом и сталкивался с миром порока случайно. Они оказывались невинными агнцами среди волков без всяких шансов на спасение. Здесь не было недостатка в Шайнах Таннерах, предпочитавших зарабатывать деньги не честным трудом, а надувательством.

Коррупция никогда не существует сама по себе. Ее питает алчность людей и неизменный спрос на обещание и возможность быстрой и легкой наживы. У Джесси не вызывали негодования клубы и бары, как и их незаконная деятельность, удовлетворявшая запросы клиентов. Не возмущали его и люди, подобные Лэнсу Малко и Шайну Таннеру, которые наживались на пороке. Что Джесси ненавидел всей душой, так это продажность тех, кому доверено защищать закон. Коррупция обогащала таких людей, как Фэтс Боуман и других выборных должностных лиц. У большинства полицейских и политиков были грязные руки. Особенно прискорбно было осознавать, что люди больше не знали, кому можно доверять.

Местный окружной прокурор, тоже занимавший выборную должность, был порядочным человеком, но никогда не проявлял интереса к борьбе с организованной преступностью. По совести говоря, если бы полиция не расследовала правонарушения и не задерживала преступников, у окружного прокурора вообще не было бы дел для судебного разбирательства. Это вызывало разочарование реформаторов – честных чиновников, священников и законопослушных граждан, которые хотели «очистить Побережье от скверны».

Месяцем ранее состоялась встреча Джесси с отставным окружным судьей и одним священником, которая прошла за завтраком в кафе без игровых автоматов. Двое мужчин утверждали, что представляют собой разношерстную группу людей с активной гражданской позицией, обеспокоенных набравшей обороты преступной деятельностью. Ходили слухи, что контрабандой стали ввозиться наркотики, прежде всего марихуана, и раздобыть их в некоторых ночных клубах не представляло никакого труда. Какие-то нарушения закона существовали на Побережье десятилетиями, и в определенных кругах даже стали восприниматься как

нечто само собой разумеющееся. Однако наркотики – потенциальная угроза совсем другого масштаба, и ее обязательно следовало предотвратить. Теперь на кону стояло будущее детей.

Участники группы, о которой шла речь, были разочарованы политиками. Фэтс Боуман, чувствуя себя хозяином положения, управлял хорошо организованной машиной и фактически был неприкасаемым. Он доказал, что может купить любые выборы. Другое дело – окружной прокурор. Он представлял государство, считался народным защитником, и потому на него была возложена обязанность вести борьбу с преступностью. Они встретились с окружным прокурором и выразили свою обеспокоенность, но тот снова не проявил особого интереса.

Тогда ими овладела дерзкая мысль, что отличным окружным прокурором мог бы стать Джесси Руди. Он был известным выходцем из Билокси и пользовался поддержкой и уважением на Пойнте, одном из самых крупных избирательных участков района. Его репутация была безукоризненной. Его считали безупречным. Но хватит ли у него смелости бросить вызов преступному сообществу? Джесси был польщен предложением и гордился оказанным доверием. Было начало 1963 года, года выборов, когда избирались кандидаты на все должности – от губернатора до окружного следователя. Как и прежде, на данный момент кандидатура на должность окружного прокурора была безальтернативной. Фэтс Боуман наверняка переизберется шерифом еще на четыре года, и ничего не изменится, если к власти не придет новый окружной прокурор, который поставит на повестку дня совершенно иные вопросы.

Джесси пообещал подумать о выдвижении своей кандидатуры, но у него имелись серьезные сомнения. Он пытался добиться успеха как адвокат, что требовало усердной каждодневной работы. У него не было денег на избирательную кампанию. Он никогда не думал о карьере политика и не был уверен, что хочет ее делать. Больше всего его смущало обещание стать борцом с преступностью. Лэнса Малко он знал всю свою жизнь, и хотя они по-прежнему вежливо общались, если приходилось пересекаться, но жили и работали в разных мирах. Представить, что империи Малко можно бросить вызов, было почти невозможно.

Джесси не желал ставить под угрозу безопасность своей семьи. Его сын Кит и Хью Малко по-прежнему были друзьями, хотя и не такими близкими, как в двенадцать лет. Для мальчишек не было секретом, что Хью, судя по всему, пойдет по стопам отца. Он крутился вокруг клубов, пил, курил и хвастался, что знает девчонок. Хью отказался от командных видов спорта и называл себя боксером.

Однако поданная идея прочно засела у Джесси в голове, и он, поколебавшись, решил рассказать обо всем Агнес. Та отнеслась к предложению без энтузиазма.

Глава 9

После четырех клубных боев в спортзале Бастера у Хью была одна победа, одно поражение и две ничьи. Окрыленный тем, что ему удалось продержаться на ринге до конца, не получив нокаута, он решил пойти дальше. Его тренер Бастер не был столь уверен в успехе, но редко препятствовал выходу на ринг своих новых подопечных. Турнир «Золотые перчатки» устраивали в конце февраля в спортзале католической церкви Святого Михаила, и Бастер, безоговорочный распорядитель всего любительского бокса на Побережье, контролировал программу боев. Он старался защитить новичков и не допустить, чтобы они проиграли свой дебютный бой.

Первый урок Хью получил не в спортзале. Невин Нолл раздобыл две пары перчаток по шестнадцать унций, и однажды днем они устроили дружеский поединок позади «Красного бархата». Только основы: стойка, положение рук и головы, работа ног. Хью сначала пришел в ужас, потому что видел Невина в действии и знал, насколько быстры его удары, но потом смирился, решив, что разбитый нос – неизбежный итог тренировки. На первых занятиях Невин терпеливо учил Хью держать руки поднятыми, и ни одной капли крови пролито не было. Он также предупредил подростка, чтобы на время тренировок тот отказался от пива и курения.

Появившись у Бастера, Хью произвел на старого тренера впечатление. Хотя передвигался не так уж и быстро, парень он был волевой и не ленивый. Хью провел спарринг с несколькими опытными боксерами и наконец получил сильный удар в нос, но это его только раззадорило. Олимпийским чемпионом он, конечно, никогда бы не стал, однако был прирожденным бойцом, которому нравилось драться и который не боялся получить удар. Вскоре он стал ходить в спортзал почти ежедневно, с удовольствием совмещая свою подработку, свидания с мисс Синди и часом-другим у Бастера. Учеба в школе отошла на второй план.

Лэнс был доволен тем, что его сын занялся боксом. Дисциплинированность требовалась каждому мальчишке, а толкового игрока в американский футбол из него все равно бы не вышло. Кармен же пришла в ужас и поклялась, что никогда не придет ни на один бой.

После неудачного футбольного сезона, проведенного на скамейке запасных, Кита ожидала еще более обескураживающая зима в качестве запасного баскетбольной команды юношеской лиги. Игрового времени он получал мало, но, по крайней мере, каждый день тренировался. Как и многие его друзья, он считал баскетбол возможностью поддерживать форму между футбольным и бейсбольным сезонами. Ребят удивил внезапный интерес Хью к боксу, и они обрадовались, узнав, что их приятель действительно выйдет на ринг на ежегодном турнире «Золотые перчатки». Свое участие в турнире Хью не афишировал. Он с нетерпением ждал первого настоящего боя, но боялся, что может быть нокаутирован на глазах у друзей.

Турнир каждый год собирал толпы зрителей, и в статье о двух местных фаворитах, напечатанной «Галф-Коуст реджистер», приводился список боев первого круга. В 145-фунтовом полусреднем весе Хью Малко предстояло сразиться с Джимми Паттерсоном в десятом поединке первого круга. Кит всегда читал за завтраком спортивную страницу и, увидев имя Хью, испытал чувство гордости за друга и решил действовать. В школе он организовал группу поддержки, и Хью стал героем дня, против воли оказавшись в самом центре всеобщего внимания. Все сильнее ощущая холодок тревоги в животе, он практически не притронулся к еде. К полудню его стали одолевать сомнения, которыми он поделился с Невинном Ноллом.

– Это нормально, – заверил его Невин, пытаясь успокоить. – Перед первым боем меня самого дважды вырвало.

– Господи, рад это слышать.

– Холодок исчезнет, как только ты пропустишь первый удар.

– А если он окажется нокаутирующим?

– А ты ударь его первым. Ты будешь в порядке, Хью. Просто держи себя в руках. Всего три раунда, правда, они покажутся часом.

Хью закурил, и Невин тут же сказал:

– Мне казалось, я просил тебя бросить курить.

– Это все нервы.

Турнир начался во вторник днем, а финалы были назначены на вечер субботы. В первых боях участвовали новички более легких весовых категорий, и ничем примечательным они отмечены не были. Большинство ребят, казалось, излишне осторожничали. К семи часам спортзал был полон, и зрители с нетерпением ждали начала боев. Над рингом висело густое облако табачного дыма. Кругом продавались хот-доги и попкорн, а бар в одном углу предлагал холодное пиво.

Алкоголь по-прежнему был запрещен во всем штате, но Билокси – это Билокси.

Кит со своей ватагой появились вовремя и взволнованно ждали большого матча. Приятели бурно приветствовали вышедшего на ринг Хью, заставив того нервничать еще больше. Диктор, чей голос усиливали динамики, представил бойцов, и толпа взревела, когда прозвучало имя Хью Малко, явного фаворита. Его противник, Джимми Паттерсон, был тощим парнем из Галфпорта, поддержать которого пришли лишь несколько фанатов.

Незадолго до удара гонга Хью бросил взгляд на первый ряд и улыбнулся отцу, сидевшему рядом с Невинном Ноллом. Мать осталась дома и молилась. Среди зрителей женщин не было. Бастер натер Хью щеки и лоб вазелином и в сотый раз напомнил:

– Не торопись. Не заводись. Ты сделаешь его в третьем раунде.

Бастер точно знал, что случится дальше. Первую минуту оба новичка начнут кружить по рингу, затем один из них нанесет удар, после которого бой станет похож на примитивную уличную драку. Чтобы ребята научились держать себя в руках, требовалось не менее пяти боев.

Чирлидер Кит поднялся и принялся скандировать:

– Хью, давай! Хью, давай!

Хью, вскочив на ноги, хлопнул перчатками и широко улыбнулся друзьям. Прозвенел гонг, и бой начался. Противники встретились в центре ринга и недолго покружились, оценивая друг друга. Джимми Паттерсон был на три дюйма выше, руки длиннее, и он пританцовывал, держась от Хью на расстоянии. Длинные руки оказались проблемой, и Хью пропустил несколько безобидных левых джебов. Невин был прав. Первый же полученный удар успокоил его нервы. Хью держал руки высоко и загнал Паттерсона в угол, где они принялись осыпать друг друга ударами, правда, без особого успеха. Шквал ударов взбудоражил толпу. Скандирование «Хью, давай!» перекрывало все остальные звуки. Выскользнув из угла, Паттерсон уже танцевал в центре, где Хью продолжал атаковать. В середине первого раунда он удивился, как тяжело стало дышать. *Проклятые сигареты. Темп, темп, темп.* Паттерсон нашел свой ритм и засыпал его левыми джебами. Он набирал очки, но особого урона не наносил. Хью присел и наклонился, а из угла Бастер, не переставая, кричал:

– Голова! Голову выше!

Лэнс не мог спокойно наблюдать, как на ринге дерется его сын. Он тоже продолжал кричать:

– Бей его, Хью! Бей его, Хью!

Невин Нолл, сидевший на краю кресла, то и дело громко подбадривал Хью.

Сам же Хью не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он снова загнал Паттерсона в угол, но тот прикрылся и ушел от ударов. Первый раунд, казалось, длился час. Когда, наконец, прозвенел гонг, Хью прошел в свой угол и еще раз улыбнулся Киту и ребятам. Бастер усадил его, а секундант налил ему в рот воды. Тренер сказал:

– Смотри, когда он наносит левый джеб, то опускает правую руку, понял? Твоя задача: обманный правый хук – и тут же удар левой. Ты понял?

Хью кивнул, хотя сосредоточиться на чем-либо у него не получалось. Сердце бешено колотилось, кровь бурлила. Он выдержал первый раунд и был в порядке, а при скандировании толпы осознал, какое удовольствие ему доставляет бой. Все, что ему сейчас требовалось, – это надрать Паттерсону задницу.

Но у Паттерсона были другие планы. Он открыл второй раунд такими же танцами и ударами с дальней дистанции, и Хью никак не удавалось прижать его к канатам. Пару раз он сильно вложился в удары правой, но промазал, а Паттерсон ответил еще большим количеством ударов в нос. В середине раунда раздосадованный Хью пригнулся и попытался перейти к атаке. Паттерсон встретил его сильным правым, от которого в голове у него зазвенело, а колени подогнулись. Он не упал, но рефери вмешался и, пока он стоял, сосчитал до восьми. За это время Хью полностью пришел в себя, в нем закипела злость. Позволяя Паттерсону наносить удары издали, он проигрывал бой. Ему следовало сократить дистанцию и нанести несколько ударов по корпусу. Бастер продолжал кричать:

– Голова! Голову выше!

Но проблема была в длинных руках Паттерсона. Хью практически обхватил его, и они повисли на канатах, пока их не развел рефери. Паттерсон сделал шаг назад и нанес дикий удар слева, который прошел мимо. Как и говорил Бастер, он опустил правую руку, и Хью нанес левый хук, у которого не было шансов, пока под него не подставился Паттерсон. Удар пришелся ему в челюсть справа, голова откинулась назад к канатам, и, пока он падал, Хью успел вложиться в сильный удар правой. Паттерсон упал в угол. Чистый нокаут.

Это был первый нокаут вечера, и толпа взревела. Хью не знал, что делать, – он никогда не выигрывал нокаутом. Рефери пришлось оттеснить его в нейтральный угол. Когда он начал отсчет, стало очевидно, что Паттерсон сам не поднимется. Кит с друзьями громко кричали, а Хью снова улыбнулся, продолжая пружинить на цыпочках. Он был ошеломлен почти так же, как Паттерсон. Прошло несколько минут, и Паттерсон наконец сел, сделал пару глотков воды, покачал головой и поднялся на ноги. Тренер несколько раз провел его по рингу, пока он приходил в себя. Дождавшись подходящего момента, Хью подошел к нему и сказал:

– Хороший бой.

Джимми улыбнулся, но было видно, что он хочет поскорее покинуть ринг.

Когда рефери поднял руку Хью и диктор объявил его победителем нокаутом, толпа взревела в знак одобрения. Хью купался в лучах славы и улыбался отцу и Невину, а также ребятам из школы. Как ни странно, он подумал о Синди и пожалел, что ее не было рядом в этот величайший момент его жизни. Она проводила время в «Красном бархате», где развлекала солдат. Невин был прав. Пора с ней завязывать.

Среда была обычным учебным днем. Мастер нокаута появился в школе на несколько минут раньше обычного. О нем написали в утренней газете, и он предвкушал приятный день, наполненный восхищением сверстников. Новость разлетелась быстро, и о его эффектной победе уже рассказывали тут и там, причем каждый по-своему. Кит, которому всегда было что сказать, объявил о нокауте в классе и пригласил всех на следующий бой в четверг вечером. Их новый герой сразится с парнем по прозвищу Косматый Фостер, который, как писали в газете, выиграл уже восемь боев.

В газете ничего подобного не говорилось. Кит присочинил и изо всех сил старался подогреть энтузиазм перед боем. С согласия учителя Кит продолжил, сказав, что после просмотра дюжины с лишним боев накануне вечером он пришел к выводу, что их новому герою, мастеру нокаута, очень нужно броское боксерское прозвище. Просто имени было недостаточно. Поэтому они, как истинные поклонники, должны его придумать. Предложений поступило множество. Лом, Нырок, Убийца, Базука, Шрам, Бруно, Рокки, Песочный Человек, Красавчик, Бритва, Лазер, Пулемет Малко. Когда фантазия у всех не на шутку разыгралась, учитель написал на доске больше десятка лучших вариантов и предложил определить, какое

выбрать голосованием, но прозвенел звонок, и сделать это так и не удалось. Хью отправился на следующий бой без смены личности и яркого прозвища, которое могло бы навести ужас на соперников или сделать его знаменитым.

В ту среду он посетил все уроки и ушел по завершении последнего, чтобы повидаться с Синди. В квартире ее не было, и одна из соседок в конце концов призналась, что та уехала из города.

– Она уволилась, Хью.

– Что значит – «она уволилась»?

– Закончила тут. Уехала домой. Мне кажется, ее нашел брат и заставил уехать.

Хью был ошарашен.

– Но мне с ней нужно поговорить.

– Забей, Хью. Она сюда больше не вернется.

Он ушел и отправился на поиски Невина Нолла. Его не было ни в «Стоянке грузовиков», ни в «Красном бархате», ни в «Фокси», ни в других привычных местах.

– Мне кажется, возникли проблемы с «О’Мэлли», – шепотом сообщил бармен. – Невин может быть там, но тебе лучше держаться подальше. Обстановка накаляется.

Хью последовал его совету и уехал со Стрипа в своем маленьком грузовичке в одиночестве, все еще переживая потерю девушки. Они были вместе больше пяти месяцев, и она научила его тому, о чем он и мечтать не мог, и, как бы он ни презирал ее способ зарабатывать на жизнь, все же сумел простить ее и сохранить отношения. Она не могла исчезнуть, не попрощавшись.

Он поехал к Бастеру, который заставил его провести легкую тренировку. Хью поспрашивал ребят, не видел ли кто Косматого Фостера на ринге, но таких не нашлось. Все его мысли были о девушке, а не о боксе. Он знал, что каждый день с пяти вечера, когда вход в «Красный бархат» становился платным и начинался «счастливый час», Невин там дежурил. Хью нашел его в баре, где тот пил газировку и курил с официанткой.

Увидев его, Невин нахмурился:

– Ищешь новых неприятностей?

– Нет, просто нужно поговорить.

– Ну, тогда не здесь. Ты еще слишком молод, Шугар Рэй¹.

– Давай тогда выйдем.

Оказавшись на улице, оба закурили.

– Что случилось с Синди? – спросил Хью.

Невин покачал головой, выпуская дым.

– Я же говорил тебе забыть о ней.

– Помню, но, пожалуйста, скажи, что случилось?

– Вчера нам позвонили копы из Арканзаса. Кто-то ее выследил и узнал, что она работает здесь. Ты сам знаешь, что ей всего шестнадцать. Мы этого не признали и сказали полиции, что у девушки есть удостоверение личности, в котором указано, что ей восемнадцать. Ничего нового. А сегодня утром к нам заявили два копа из Арканзаса с ее братом. У нас не было выбора, кроме как сотрудничать, и теперь она вернулась домой, где ей и место. Забудь о ней, Хью. Она всего лишь проститутка. Там, откуда она пришла, таких много.

– Я знаю.

– Ты должен думать о завтрашнем бое. На каждом этапе противник будет все сильнее.

– Я подготовлюсь.

– Тогда брось сигарету.

¹ Американский боксер-профессионал, один из лучших в истории (р. 1956).

На первый взгляд, было непонятно, откуда взялось прозвище Косматый. У него не имелось ни густой шевелюры, ни тем более усов. Ему было всего шестнадцать, и он случайно упомянул в разговоре с одним из боксеров Билокси, что выиграл пять из шести своих боев. Никто не поинтересовался его прозвищем, да это и не имело никакого значения. А что имело значение, так это его коренастая фигура и огромные бицепсы, впечатляющие для подростка. Если Джимми Паттерсон был тощим как жердь, то Косматый Фостер – плотным, как пожарный гидрант. У Косматого также не было привычки пританцовывать и наносить легкие удары. Зато он стремился во что бы то ни стало добиться нокаута в первом же раунде, предпочтительно в первые тридцать секунд, и это ему почти удалось.

При ударе гонга, пока Хью продолжал улыбаться своим школьным друзьям, Косматый сорвался с места, словно разъяренный бык, пронесся через ринг и принялся дубасить его с разворота правой и левой с такой силой, что потряс бы тяжеловеса, если бы сумел пробить защиту. По счастью, Хью удавалось уворачиваться и держаться подальше от канатов. Его инстинкты выживания сразу включились на полную катушку, и он уклонялся от ударов, изо всех сил стараясь противостоять натиску. Косматый был сумасшедшим, наносил удары со всех сторон, шипя и хрюкая, будто раненое животное.

– Закройся, закройся. Он псих! – кричал Бастер.

Хью, как и все в зале, понимал, что Косматый выкладывается по полной и на три раунда его точно не хватит. Вопрос заключался лишь в том, удастся ли самому Хью выстоять и пережить такой натиск. Но толпа, любившая необузданную страсть, восторженно редела. Хью пропустил апперкот справа, свет в глазах погас, и он упал. Косматый стоял над ним и что-то кричал, но что именно – никто разобрать не мог. Хью удалось подняться на четвереньки, и рефери оттеснил Косматого в угол. Глядя сквозь канаты, Хью встретился взглядом с Невинном Ноллом, который кричал и тряс кулаком. *Вставай! Вставай! Вставай!*

Хью глубоко вздохнул, посмотрел на рефери и на счет «пять» вскочил на ноги. Он оперся на верхний канат, вытер предплечьем нос и увидел кровь. У него был выбор. Остаться под защитой канатов, как делают настоящие спортсмены, и быть съеденным заживо или разобратся с ублюдком.

Косматый зарычал и, готовясь окончательно добить противника, рванул как безумный вперед, опустив руки. Однако Хью, вместо того чтобы отступить, сделал быстрый шаг вперед и нанес тот же левый хук, которым свалил Паттерсона. Он попал идеально, прямо в челюсть, и Косматый плюхнулся на пол, будто внезапно потерял точку опоры. Он обвел ринг недоверчивым взглядом и попытался встать. Его качнуло и отбросило на канаты, и он с трудом выпрямился. Пока рефери считал до десяти, толпа редела от восторга. При счете «десять» Косматый кивнул и снова зарычал.

Бойцы сошлись в центре ринга и принялись осыпать друг друга беспорядочными ударами, как бывает в уличных драках, пока их жизни не спас удар гонга. Рефери поспешил их разнять. У обоих носы были разбиты в кровь. Сидя на табурете, Хью глотал воду, пытаясь отдышаться, пока секундант засовывал ему в ноздри ватные тампоны.

– Закрывайся! Его надолго не хватит! – сквозь шум доносились слова Бастера.

В голове у Хью пульсировало, и он думал лишь о том, как ему выжить. При ударе гонга он вскочил на ноги и удивился, какими они стали тяжелыми.

Если в углу Косматому и советовали сбавить темп, то боец не послушался. Он снова устремился вперед, подстегиваемый инстинктом драки.

Хью оказался прижат к канатам и пытался уклоняться от ударов, но быть мальчиком для битья не собирался. Поскольку Косматый сражался, прижав руки к бокам, его голова всегда была открыта. Увидев в его защите брешь, Хью провел быструю комбинацию «левый-правый» и попал точно в цель. Он с удовлетворением наблюдал, как Косматый грохнулся на настил и откатился в угол. Рев толпы был оглушительным.

– Не вставай, черт тебя поberi! – прокричал Хью, но Косматый умел держать удар.

Он вскочил, замахал руками, демонстрируя неукротимый нрав, дождался, когда рефери закончит считать до десяти, и вновь ринулся в атаку. Через тридцать секунд на настиле оказался уже Хью, пропустивший мощный удар правой, такой стремительный, что он его даже не заметил. Хью был оглушен и находился в состоянии грогги. На мгновение ему даже захотелось остаться лежать, потому что на спине было безопаснее. Поражение во втором реальном бою не было трагедией. Но он подумал об отце, Невине Нолле, Ките и всех своих друзьях – и при счете «пять» встал и принялся пружинить на мысочках. В середине второго раунда стало очевидно, что победителем станет боец, которому удастся продержаться до конца третьего. Ни один из них не дал слабину, и последние девяносто секунд они бились кость в кость. В перерыве между раундами рефери прошел по обоим углам, проверяя повреждения.

– С ним все в порядке, – заверил Бастер, вытирая лицо Хью холодной водой. – Просто разбит нос, ничего не сломано.

– Мне не нужны рассечения, – сказал рефери.

– Никаких рассечений нет.

– Ему не хватит?

– Черт, конечно, нет!

Говори за себя, едва не возразил Хью. Он устал сражаться и надеялся, что больше никогда не увидит Косматого Фостера. И тут по залу разнеслось громкое скандирование:

– Хью, давай! Хью, давай!

Мальчишкам нравились старые добрые уличные драки, и они хотели продолжения. К черту джентльменский бокс. Все жаждали крови.

Хью поднялся на ноги, ставшие тяжелыми, будто налились свинцом, и запрыгал, ожидая гонга. В другом углу поднялся шум. Рефери кричал на тренера Косматого.

– У парня рассечение над правым глазом. Бей в него! Атакуй! Ты понял? – говорил Бастер.

Хью кивнул и хлопнул перчатками друг о друга. Он чувствовал, как начинает заплывать правый глаз, а левым он видел все как в тумане.

Прозвенел гонг, и Косматый поднялся на ноги. Рефери продолжал спорить с тренером, который проскользнул за канаты. Из-за угрозы дисквалификации за продолжение боя с рассечением Косматому был нужен быстрый нокаут. Он быстро нанес удар низом в правую почку Хью. От приступа острой боли тот согнулся, и Косматый обрушил на него серию апперкотов. Через несколько секунд после начала последнего раунда Хью снова оказался на полу, изо всех сил пытаясь встать на четвереньки и вспомнить свое имя.

Толпа напомнила ему:

– Хью, давай!

Он поднялся в последний раз, кивнул судье, будто все было просто замечательно, и приготовился к натиску. Бойцы принялись наносить удары без разбора, а фанаты бесновались, требуя большего. К удивлению Хью, после очередной атаки Косматый упал, и было похоже, что силы у него наконец-то кончились. У Хью их точно не было, но до конца раунда оставалась как минимум минута. Косматый неуклюже встал. Судья заставил их коснуться перчатками и дал сигнал к продолжению схватки. Они сошлись в центре, но сил у обоих для нанесения ударов больше не осталось. Рефери внезапно остановил бой и отвел Хью в его угол. Он вытер ему лицо и сказал Бастеру:

– У него рассечение. У другого парня тоже. У обоих разбиты носы. Оба были трижды нокаутированы. Я останавливаю бой. Это ничья. Всему есть предел.

Толпа громко освистала решение о ничьей, когда о ней объявили, но бойцов это не волновало. Хью и Косматый поблагодарили друг друга за столь основательное избиение и ушли с ринга.

Два часа спустя Хью лежал на диване в гостиной. Его лицо было обложено пакетами со льдом. Кармен, вся в слезах, заперлась в своей спальне. Лэнс вышел на улицу и нервно курил. У него с женой состоялось бурное выяснение отношений, в ходе которого оба наговорили много лишнего в присутствии детей. Кармен не могла поверить, что ее сын когда-нибудь вернется домой в синяках, израненный и избитый. Лэнс же гордился своим мальчиком и сказал, что рефери был не прав, когда остановил бой. По его мнению, Хью бы точно присудили победу единогласным решением судей.

Глава 10

Слухи о том, что салон «Карусель» продается, ходили уже давно. Его владелец Маркус Дин Поппи был эксцентричным и взбалмошным бизнесменом, который много пил и имел карточные долги. Управление бизнесом оставляло желать лучшего, поскольку Поппи обычно был навеселе и не особенно вникал в детали. Однако расположенное в центре Стрипа заведение все же приносило прибыль и хоть и с трудом, но держалось на плаву, предлагая выпивку, стриптизерш, проституток и азартные игры. Мало кто знал, что Поппи задолжал слишком много ребятам из Вегаса и ему срочно требовались деньги. Он отправил своего доверенного помощника Эрла Фортье поговорить с Лэнсом Малко в его офисе в «Красном бархате». Сомнительная репутация Эрла требовала осторожности, и Лэнс принял его в обществе Наконечника и Невина Нолла.

Репутация большинства людей, с которыми они обычно встречались, была в той или иной степени сомнительной.

Выпив с Фортье холодного пива и поговорив о рыбалке, они наконец перешли к делу. Поппи предлагал простую сделку – двадцать пять тысяч долларов за «Карусель» наличными. У клуба не было долгов, все счета оплачены.

Лэнс нахмурился и, покачав головой, сказал:

– Двадцать пять – это слишком много. Я оцениваю клуб в двадцать.

– Ты предлагаешь двадцать? – уточнил Фортье.

– Именно так, и вдобавок Маркус Дин обещается не конкурировать здесь в течение трех лет.

– Никаких проблем. Он не останется здесь. Говорит, что возвращается в Хот-Спрингс, любит быть поближе к скачкам.

– Он возьмет двадцать?

– Я могу только передать. Завтра позвоню.

После «Красного бархата» Фортье направился в «О’Мэлли», где встретился с Джинджер Редфилд в ее офисе. Она предложила выпить, но он отказался. Он сказал, что Маркус Дин Поппи собирался продать «Карусель» и договорился с Лэнсом Малко о сумме в двадцать тысяч долларов. Может ли она предложить больше?

Да, Джинджер могла. Она пришла в восторг от такой возможности и предложила то, что они просили изначально: двадцать пять тысяч долларов сразу, с оплатой заверенным чеком.

На следующий день Фортье позвонил Лэнсу и сказал, что они согласны совершить сделку за двадцать тысяч долларов наличными. Половина – авансом при заключении простого договора купли-продажи; другая половина – когда юристы оформят все бумаги, примерно через неделю. Два дня спустя Фортье вернулся в «Красный бархат» с двухстраничным контрактом, уже подписанным Маркусом Дином. Присутствовавший адвокат Лэнса все одобрил. Поскольку недвижимое имущество было в долгосрочной аренде, окончательное оформление документов будет завершено без промедления. Фортье ушел с десятью тысячами наличными и поехал прямо в «О’Мэлли», где предъявил еще один контракт, также подписанный Маркусом Дином Поппи. Джинджер внимательно его прочитала, расписалась и вручила Фортье заверенный чек на двадцать пять тысяч долларов. От нее Фортье направился напрямик в банк, обналичил там чек и с триумфом прибыл в «Карусель» с тридцатью пятью тысячами долларов наличными в портфеле.

Маркус Дин пришел в восторг и вручил своему посыльному чаевые в размере двух тысяч долларов. Подождя два дня, он сам позвонил Лэнсу с ужасной новостью: налоговая служба только что провела обыск в его доме и наложила арест на все имущество за неуплату налогов. Сделка расторгается. Удивление Лэнса быстро переросло в гнев, и он потребовал вернуть свои

десять тысяч долларов. Маркус Дин сказал, что это не проблема, хотя проблема, конечно, была. Налоговая служба наложила арест на все наличные деньги, которые нашла. Через день-другой Маркус Дин пообещал вернуть ему пять тысяч долларов, а остальное «в самом ближайшем будущем».

Почувяв неладное, Лэнс сделал несколько телефонных звонков. Поскольку он преуспевал в мире незаконного оборота наличных денег, у него не было никаких отношений ни с кем, даже отдаленно связанным с Налоговым управлением. Но у его адвоката имелся друг, который кое-кого там знал. Тем временем по городу поползли слухи, что «Карусель» купила Джинджер Редфилд и салон временно закрылся якобы из-за проблем с налогами.

Маркус Дин исчез и на звонки Лэнса Малко не отвечал. В конце концов, выяснилось, что никакого расследования в отношении как «Карусели», так и Маркуса Дина Поппи налоговой службой не проводилось.

В 1963 году на Стрипе надувательство на тысячу долларов не того человека оборачивалось серьезными травмами головы, потерей конечностей или зрения. За десять тысяч долларов мошенника легко могли убить. В конце концов, Невин Нолл нашел Фортье и поставил ультиматум: семь дней на возврат денег, иначе пусть пеняют на себя.

Прошла неделя, потом другая. Поппи никто не видел. Лэнс не сомневался, что тот действительно сбежал, прикарманив деньги. Строительная бригада, нанятая Джинджер, прибыла в «Карусель» и начала приводить ее в порядок для торжественного открытия.

Фортье тоже затаился и покинул Стрип, но не Побережье. Он продавал для друга подержанные автомобили в Паскагуле и жил там в маленькой квартирке. Поздним субботним вечером он пришел домой с вечеринки полупьяным со своей девушкой Ритой. Они быстро разделались, запрыгнули в кровать и уже пылали страстью, когда из встроенного стенного шкафа в восьми футах от них вылез мужчина и открыл огонь из пистолета. Эрлу всадили три пули в голову, как и Рите, успевшей только вскрикнуть.

Ближайший сосед, мистер Буллингтон, слышал выстрелы и описал их как «приглушенные хлопки», а не как грохот стрельбы с близкого расстояния. Баллистики предположили, что стрелок, вероятно, использовал глушитель, что указывало на тщательно спланированное убийство.

Мистер Буллингтон крик тоже слышал, это побудило его выключить свет, подойти к заднему окну на кухне и посмотреть. Через несколько секунд он увидел, как из их дома вышел мужчина, быстро пересек небольшую парковку и исчез за углом. Белый, около шести футов роста, среднего телосложения, темные волосы под темной кепкой, возраст около двадцати пяти лет. Немного подождав, мистер Буллингтон вышел через заднюю дверь и, оставаясь в тени, последовал за мужчиной. Он услышал звук запускаемого автомобильного двигателя и, спрятавшись за кустами, увидел, как убийца уехал на светло-коричневом «Форде-Ферлейн» 1961 года выпуска, номерные знаки штата Миссисипи, но цифры издали разглядеть не удалось.

Фортье был убит на месте, а Рита – нет. Три дня врачи ждали ее кончины, но она держалась. А на четвертый день начала что-то бормотать.

На Побережье убийства попадали на страницы газет, но мало кого удивляли. Фортье описывали как продавца подержанных автомобилей с непростым прошлым. Он работал в клубах Билокси и отсидел срок за нападение при отягчающих обстоятельствах. В последнее время Рита работала в Паскагуле официанткой в стейк-хаусе, но быстро выяснилось, что до этого она долго трудилась официанткой в «Карусели». Сотрудник, знавший обоих, рассказал, что их роман тянулся много лет, то разгораясь с новой силой, то угасая. По его мнению, Рита была только официанткой и не работала в комнатах наверху. Едва ли это имело значение сейчас, когда она была подключена к аппаратам жизнеобеспечения.

Город Паскагула находился в округе Джексон – вотчине шерифа Хейвуда Хестера, относительно честного государственного служащего, который ненавидел Фэтса Боумана и установ-

ленные им по соседству порядки. Хестер немедленно вызвал полицию штата и самым тщательным образом приступил к расследованию. Жители Паскагулы относились к бандитским разборкам с большей нетерпимостью, чем в округе Гаррисон, и он был полон решимости раскрыть преступление и привлечь виновного к ответственности.

Через неделю после того, как в нее стреляли, Рите удалось нацарапать в блокноте имя Невина. Не ставя власти Билокси в известность, полицейский под прикрытием провел на Стрипе достаточно много времени, чтобы получить сведения о вражде между Лэнсом Малко и Маркусом Дином Поппи. Все знали, что Невин – один из подручных Малко. Выяснить, что он ездил на светло-коричневом «Форде-Ферлейн» 1961 года выпуска, который опознал мистер Буллингтон, труда не представляло.

Невина Нолла разбудил неожиданный стук в дверь в три часа ночи. Он с подозрением относился к любому ночному шуму и вытащил из-под матраса небольшой пистолет. Из-за двери ему сообщили, что у полиции имеются ордера на его арест и обыск в квартире. Место было окружено. *Выходи с поднятыми руками.* Он подчинился, и никто не пострадал.

Нолла отвезли в Паскагулу и поместили в тюрьму без права выйти под залог до решения суда. Полиция обыскала его квартиру и нашла целый арсенал пистолетов, винтовок, дробовиков, кастетов, выкидных ножей, дубинок и других видов оружия, которое может понадобиться уважающему себя бандиту. Полицейские штата и шериф Хестер попытались допросить его, но он потребовал адвоката.

Лэнс Малко был в ярости из-за того, что Невин попал в такую серьезную переделку. Лэнс санкционировал устранение Фортъе и поручил Невину позаботиться об этом, но полагал, что для убийства будет привлечен наемный исполнитель со стороны. Невин годами просил у него разрешения убить кого-то, объясняя, что просто избиения ему надоели и он хочет «расти» дальше. Лэнс запрещал ему даже думать об этом, поскольку хотел иметь его рядом и впредь. Заказное убийство обходилось всего в пять тысяч долларов, а Невин стоил гораздо больше.

Через два дня после ареста Лэнс посетил тюрьму и переговорил с Невиним наедине. После серьезной взбучки, в ходе которой Босс указал на глупость убийства Фортъе в округе Джексон вместо округа Гаррисон, где всем заправлял Фэтс, и другие очевидные ошибки, допущенные Ноллом, он спросил о женщине, Рите. Ее там не должно было быть. Фортъе жил один, и Невин предполагал, что в ту субботу он вернется вечером один. Невин уже прятался в доме, когда пара, шатаясь, вошла в комнату и начала раздеваться. У него не оставалось выбора, кроме как убить Риту.

- Да, но ты промазал, верно? Она выжила и теперь разговаривает с копами.
- Я всадил в нее три пули. Это просто чудо.
- Но чудеса случаются, разве нет? Главное правило – никогда не оставлять свидетелей.
- Да знаю я, знаю. А разве мы не можем о ней позаботиться?
- Перестань. У тебя и так достаточно неприятностей.
- Ты сумеешь вытащить меня отсюда?
- Я работаю над этим. Завтра придет Бэрч. Просто делай все, что он скажет.

Джошуа Бэрч был известным на Побережье адвокатом по уголовным делам. Его хорошо знали от Мобила до Нового Орлеана как человека, к которому всегда можно обратиться, если кто-то, имеющий деньги, оказался в беде. Он давно уже был любимцем гангстеров и завсегда-таем лучших баров на Стрипе. Он много работал и много играл, но в глазах общества сохранял респектабельность. В зале суда он выступал ярким защитником, не терявшим выдержки под давлением, и всегда был отлично готов к процессу. Присяжные ему верили, в каких бы ужасных преступлениях ни обвиняли его клиентов, и он редко проигрывал дела. Когда Бэрч выступал, зал суда был всегда забит до отказа.

Он обрадовался, услышав новость об убийстве Фортъе, подозревал, что это связано с бандитскими разборками, и ждал телефонного звонка почти неделю. Ему хотелось, чтобы

копы кого-нибудь арестовали и раскрыли преступление. Ведь к нему, Бэрчу, тогда обратятся за защитой.

Первое, что ему не понравилось в Невине Нолле, так это его взгляд – холодный, жесткий, взгляд неморгающего психопата, который не знает пощады. Один такой взгляд на присяжного – и он (или она) немедленно проголосует за осуждение. Им придется поработать над взглядом, начав, скорее всего, с пары подходящих очков.

Во-вторых, Бэрчу не пришлась по душе дерзость Нолла. Сидя в окружной тюрьме, парень сохранял высокомерие и невозмутимость, а к серьезности обвинений, выдвинутых против него, относился с пренебрежением. Ничего не было, а если что и было, то наверняка можно не принимать во внимание. Бэрчу придется научить его смирению.

– Где ты был в момент убийства? – спросил Бэрч своего клиента.

– Не помню. Где ты хочешь, чтобы я был?

Пока прямых ответов ему получить не удалось.

– Судя по всему, у стороны обвинения штата довольно сильные козыри. Полицейские считают, что у них есть оружие убийства, хотя результаты баллистики еще не готовы. Есть пара свидетелей, один из которых получил три пули в голову и утверждает, что это ты нажал на спусковой крючок. Это плохое начало, Невин. А когда против подсудимого выдвигаются доказательства, то обычно бывает полезно, если у него имеется алиби. А мог ты играть в покер с приятелями в Билокси, когда в Паскагуле стреляли в мистера Фортье? Или быть с девушкой? В конце концов, это же субботний вечер.

– А когда, по их мнению, застрелили Фортье?

– По предварительной оценке, в одиннадцать тридцать.

– Ближе к полуночи. Ну да, послушайте, я играл в карты с друзьями, а затем около полуночи лег спать со своей девушкой. Как такой вариант?

– Звучит здорово. А кто были эти друзья?

– Э-э, ну, мне придется вспомнить.

– Ладно, а кто твоя девушка?

– С ней то же самое. Понимаешь, их у меня несколько.

– Конечно. Разберись с именами, Невин. Это люди, которых попросят выступить в качестве свидетеля и подтвердить твое алиби, поэтому их показания ни у кого не должны вызвать даже тени сомнения.

– Без проблем. У меня много друзей. Ты можешь меня вытащить отсюда?

– Мы этим занимаемся, но твой залог – миллион долларов. Судья серьезно относится к убийствам, даже когда речь идет о таких ничтожествах, как Фортье. На следующей неделе назначено слушание об освобождении под залог, и я постараюсь уменьшить его сумму. Мистер Малко готов предоставить в обеспечение недвижимость. Посмотрим.

Через две недели после похорон Фортье Маркус Дин Поппи сел завтракать за привычным столиком в главном обеденном зале отеля «Арлингтон» в Хот-Спрингс, штат Арканзас. Он не присутствовал на довольно скромной церемонии похорон – на самом деле ему и в голову не приходило приближаться к Билокси. Убийство было недвусмысленным предупреждением мистеру Поппи, который отлично все понял и собирался отправиться на несколько месяцев в Южную Америку. Он уже давно был бы там, если бы не сорвал огромный куш на скачках на ближайшем ипподроме в Оклоне. Он просто не мог уехать прямо сейчас. Его ангел-хранитель призывал забрать выигрыш и исчезнуть. Дьявол же уверял, что счастливая полоса никогда не закончится. На данный момент бал правил дьявол.

Уилфред, официант, в выцветшем черном смокинге, поставил перед Маркусом высокий бокал с «Кровавой Мэри» и сказал:

– Доброе утро, мистер Поппи. Как обычно?

– Доброе утро, Уилфред. Да, пожалуйста.

Он взял напиток, осмотрелся, не наблюдает ли кто, затем быстро всосал жидкость через соломинку. Причмокнув губами, он улыбнулся и принялся ждать, пока водка доберется до мозга и наведет в нем порядок после вчерашнего вечера. Он слишком много пил, но и выигрывал тоже. Зачем же менять такую красивую комбинацию? Развернув газету, он нашел спортивный раздел и принялся изучать таблицу дневных скачек. Он снова улыбнулся. Просто удивительно, как быстро могла водка перемещаться из соломинки в голову.

Уилфред принес яичницу, тосты с маслом и спросил, не надо ли чего-нибудь еще. Мистер Поппи грубо отмахнулся от него. Едва он успел положить в рот кусок яичницы, как вдруг появился молодой джентльмен в красивом костюме и, не говоря ни слова, уселся напротив.

– Прошу прощения... – сказал мистер Поппи.

– Послушай, Маркус Дин, – произнес Невин, – я работаю на Лэнса, и он передает тебе привет. Мы позаботились о Фортье. Ты следующий. Где деньги?

Поппи подавился куском и закашлялся так, что запачкал рубашку. Он вытер ее льняной салфеткой и постарался не паниковать. Потом запил водой со льдом и прочистил горло.

– В газете написано, что ты в тюрьме.

– Ты веришь всему, что пишут в газетах?

– Но...

– Вышел под залог. Даты суда пока нет. Где деньги, Маркус Дин? Десять штук наличными.

– Ну, я, э-э... видишь ли, все не так просто.

Невин обвел взглядом зал и заметил:

– В последнее время ты ведешь роскошную жизнь. Здесь хорошее место – понятно, почему Аль Капоне сюда часто приезжал в свое время. Номера не дешевые. Каждый день скачки. У тебя есть двадцать четыре часа, Маркус Дин.

Уилфред, подойдя с озабоченным видом, спросил:

– Все в порядке, мистер Поппи?

Тому удалось нерешительно кивнуть. Невин указал на его напиток и распорядился:

– Принеси мне то же самое.

Глядя вслед уходящему Уилфреду, Маркус Дин спросил:

– Как ты меня нашел?

– Это не важно, Поппи. Все не важно, кроме десяти штук. Мы встретимся здесь за завтраком завтра утром, в это же время, и ты отдашь мне деньги. И не делай глупостей вроде попытки сбежать. Я не один, и мы за тобой следим.

Маркус Дин поднял вилку, но тут же уронил ее. Его руки дрожали, а на лбу выступили капли пота. Сидевший по другую сторону стола молодой Невин Нолл был совершенно спокоен и даже улыбался. Прибыла вторая «Кровавая Мэри», и Невин припал к соломинке. Затем посмотрел на тарелку и поинтересовался:

– Ты собираешься съесть весь этот тост?

– Нет.

Невин протянул руку, отломил половину и съел. Маркус Дин допил свой бокал и, казалось, немного расслабился.

Понизив голос, он сказал:

– Давайте внесем ясность. Когда я передам деньги, что будет дальше?

– Я уеду и доставлю их законному владельцу, мистеру Малко.

– А со мной?

– О тебя не стоит марать руки, Поппи. Зачем? Если, конечно, ты не решишь вернуться на Побережье. Это было бы огромной ошибкой.

– Не волнуйся. Я не вернусь.

Невин снова припал к соломинке, продолжая улыбаться. Маркус Дин, глубоко вздохнув, сказал почти шепотом:

– Знаешь, есть более простой способ покончить с этим.

– Я слушаю.

Поппи снова огляделся, как будто их могли подслушать. За ближайшим столиком двое – престарелая пара лет за девяносто – помешивали в своих тарелках овсянку, стараясь не замечать друг друга.

– Хорошо, деньги наверху, в моей комнате. Посиди, а я сейчас принесу.

– Мне это нравится. Лучше раньше, чем позже.

– Дай мне десять минут.

Поппи вытер рот и положил салфетку на стол.

– Я подожду здесь, – сказал Нолл. – И давай обойдемся без глупостей. Мои люди дежурят снаружи. Если станешь тупить, я покончу с тобой быстрее, чем с Фортъе. Ты даже не представляешь, Поппи, на какой тонкой ниточке висит твоя жизнь.

Поппи же, напротив, представлял это очень ясно. Он принес наличные в конверте и проводил взглядом выходящего из ресторана Нолла. Затем выпил еще одну «Кровавую Мэри», чтобы успокоить нервы, сделал вид, что идет в туалет, но в коридоре свернул на кухню, спустился по лестнице в подвал и вышел через служебную дверь. Он прятался в переулке, пока не убедился в отсутствии слежки. Затем сел в машину и позволил себе перевести дух, только когда пересек границу штата Техас.

Глава 11

Окружным прокурором Девятнадцатого округа был серьезный, но малоопытный молодой человек по имени Пэт Грэбел. Его избрали четырьмя годами ранее, и в 1963 году он баллотировался на безальтернативной основе, когда в его руках оказалось самое крупное в его практике дело. Никогда прежде ему не приходилось никого привлекать к ответственности за убийство, а тот факт, что Невин Нолл занимал в преступном мире Билокси высокое положение, чрезвычайно повышал ставки. Граждане округа Джексон, избравшие Грэбела окружным прокурором, гордились своим законопослушанием и на соседей из Билокси, допускавших всякие непотребства, смотрели свысока. Изредка криминал выплескивался наружу, и им приходилось разбираться с последствиями, что вызывало еще большее негодование. Давление на молодого Грэбела, от которого ожидали, что он непременно добьется обвинительного приговора, оказывалось огромное.

Его дело поначалу выглядело беспроектным. Рита Лютен, другая жертва и надежный свидетель, медленно, но неуклонно поправлялась. Она была парализована и говорила с трудом, но врачи рассчитывали на улучшение ее состояния. Мистер Буллингтон, ближайший сосед, не сомневался, что именно Невин Нолл скрылся с места происшествия. Эксперт по баллистике из государственной криминалистической лаборатории подтвердил, что все шесть выстрелов были произведены из револьвера 22-го калибра, найденного в квартире Нолла. Доказать мотив было труднее, учитывая закрытость преступного мира, но обвинение полагало, что сможет представить свидетелей из Стрипа, которые под давлением признают, что стрельба явилась результатом неудачной коммерческой сделки. Еще одна пугающая история о бандитском насилии.

Пэт Грэбел понятия не имел, насколько основательно мафия может развалить дело. За неделю до начала судебного процесса в здании суда округа Джексон в Паскагуле исчезла Рита Лютен. Грэбел не удосужился вызвать ее в суд повесткой – хоть и простительная, но серьезная оплошность. Как и все вокруг, он не сомневался, что она с готовностью объявится и назовет убийцей подсудимого, который трижды выстрелил ей в лицо. Конечно, она хотела справедливости, но еще больше была заинтересована в деньгах. Однажды поздно вечером она добровольно села в карету «Скорой помощи», которая отвезла ее в частную реабилитационную клинику неподалеку от Хьюстона. Там ее госпитализировали под вымышленным именем. Все запросы, а также счета переправлялись юристу, работавшему на Лэнса Малко, хотя доказать их связь так и не удалось. Грэбел найдет Риту только через три месяца, но к тому времени суд уже давно закончится.

Следующим исчезнувшим свидетелем стал мистер Буллингтон. Он, как и Рита, пропал посреди ночи. Добрался на машине до Лас-Вегаса, проделав весь путь без остановок. Там он устроился в отеле и казино «Фламинго». Помимо кое-каких денег, появившихся в кармане, его радовало то, что два бандита, ехавшие за ним, не станут избивать его до потери сознания.

За день до начала суда Грэбел потребовал устроить слушание, на котором горько сетовал на исчезновение свидетелей. Джошуа Бэрч поддакивал и, казалось, был искренне обескуражен происходящим, заверяя суд, что ничего об этом не знает. Он был слишком умен, чтобы пачкать руки, запугивая свидетелей.

Бэрч расставил еще одну ловушку, в которую попался Грэбел. Он убедил судью рассматривать дела отдельно, начав с убийства Фортье. Дело о стрельбе и покушении на убийство Риты Лютен планировалось рассмотреть в суде лишь через месяц. Она была бы важным свидетелем на процессе Фортье, но ее отсутствие не обязательно сорвало бы процесс.

Бэрч знал, что Рита исчезнет в последний момент, хотя всегда отрицал это.

На слушаниях Грэбел делал громкие заявления о происках сил зла, говоря, что они разваливают дело, препятствуют правосудию и так далее. Однако при отсутствии доказательств

судья ничего не мог поделать. Поскольку обвинение понятия не имело, где Рита и мистер Буллингтон находятся в данный момент, вероятность, что их найдут и доставят для дачи показаний, была ничтожной. Так что суд продолжался без них.

Хороший судебный процесс по делу об убийстве нарушает скучное однообразие жизни любого маленького городка, поэтому неудивительно, что зал суда был забит до отказа, когда двенадцать присяжных заняли свои места и обратили взоры на юристов.

Пэт Грэбел выступал первым. Он мямлил, подбирая нужные слова, и выглядел растерянным. В его защиту можно сказать, что обвинению было трудно доказывать вину подсудимого, если оно понятия не имело, кто из его свидетелей может исчезнуть следующим. Особые надежды обвинения возлагались на орудие убийства, и прокурор артистично размахивал револьвером, будто зачищая салун от негодяев на Диком Западе. Эксперты из государственной криминалистической лаборатории засвидетельствуют, что пули при убийстве Эрла Фортье и тяжелом ранении Риты Лютен были выпущены из этого револьвера. И он был найден в квартире подсудимого Невина Нолла вместе с другим оружием.

В конце своего вступления Грэбел попытался связать десятилетия коррупции и организованной преступности на их «любимом Побережье» с силами зла, продолжавшими «там» править бал, но, говоря неуверенно и спотыкаясь, так и не смог прозвучать убедительно. Грэбелу не удалось достойно проявить себя во вступительной речи на самом большом в его карьере процессе.

Затем слово в зале суда, где Бэрч не раз выступал защитником, предоставили ему. На Джошуа был светло-серый костюм из жатого хлопка с таким же жилетом, розовым нагрудным платком и карманными часами на золотой цепочке. Поднявшись из-за стола защиты, он закурил сигару и принялся расхаживать туда и обратно, выпуская клубы дыма.

У обвинения не было доказательств, никаких улик. Штат возбудил дело против его клиента – Невина Нолла, молодого человека, не имевшего судимостей, – по сфабрикованным обвинениям. Закон не требовал от его клиента доказывать свою невиновность, но вот в чем штука: мистеру Ноллу не терпелось выступить в суде, дать клятву говорить правду и сказать присяжным, что он к этому не причастен. Обвинения против него возмутительны. Копы взяли не того парня. Суд был пустой тратой времени, потому что в этот самый момент человек, убивший Эрла Фортье, разгуливает на свободе и наверняка потешается над происходящим в здании суда.

Обвинение выступало первым, и Грэбелу не терпелось набрать очки с помощью фотографий, сделанных на месте кровавого преступления. Присяжные ужаснулись и быстро их просмотрели, стараясь не изучать детально. Следователи представили план квартиры с расположением тел. Патологоанатом потратил два часа, объясняя в мучительных подробностях, что убило Эрла Фортье, хотя присяжным и всем остальным было и так очевидно: причиной смерти являлись выстрелы в голову.

Джошуа Бэрч знал, что с экспертом лучше не спорить, и задал лишь несколько незначительных вопросов. Невин Нолл сидел рядом с ним, излучая уверенность. Холодный, жесткий взгляд исчез, уступив место улыбке, которую удерживали на лице мышечные релаксанты. Присяжным номер семь была привлекательная молодая женщина двадцати шести лет, и их взгляды несколько раз встретились.

Серьезные доказательства появились на второй день, когда эксперт штата по баллистике связал орудие убийства непосредственно с подсудимым. Отрицать это было невозможно. Револьвер 22-го калибра, найденный в квартире Нолла, несомненно, был тем, из которого убили Эрла Фортье и ранили Риту Лютен.

Во время обеда сторона обвинения была настроена оптимистично, поскольку приведенные ею доказательства вины выглядели более чем убедительно.

Однако после обеда Джошуа Бэрчу не потребовалось много времени, чтобы проделать в доказательной базе стороны обвинения серьезные бреши. Он начал с игры в покер в задней

комнате «Фокси» и вызвал в качестве свидетелей трех молодых парней, которые под присягой показали, что во время убийства играли с Невинном в карты в двадцати милях от места происшествия. На перекрестном допросе Грэбел пытался уличить их в лжесвидетельстве и установил, что все трое являлись друзьями Нолла и работали на одном из предприятий, принадлежащих Лэнсу Малко. Джошуа Бэрч тщательно подготовил троицу, и инсинуации удалось отклонить протестами: да, они друзья и все такое, однако это никак не мешает им говорить правду. Они все время играли в карты и – да – веселились, развлекались с барышнями, пили пиво и хороший виски. Черт, они все холостые, старше двадцати лет, так что в этом такого?

Следующей была Бриджит, и она затмила всех. Девица рассказала присяжным, что они с Невинном встречаются уже несколько месяцев и начинают строить общие планы на будущее. В ту ночь она работала официанткой в «Фокси» и намеревалась встретиться с Невинном, когда тот закончит играть в покер. На самом деле все так и вышло, и около полуночи они уже были вместе в комнате наверху. Обладательница длинных светлых волос, Бриджит отличалась привлекательностью, отличной фигурой и когда говорила, то буквально ворковала в микрофон, как Мэрилин Монро.

Среди присяжных было десять мужчин и две женщины. Судя по всему, большинство мужчин поверили Бриджит и ее показаниям, наверняка посчитав, что вечер у подсудимого точно удался. Представить, что он мог оставить ее в постели и помчаться стрелять в голову двум людям, было просто невозможно.

Грэбел попытался покопаться в ее прошлом, но толку из этого не вышло. Ее тоже отлично подготовили. Заинтересовавшись комнатами наверху, он попал в очередную ловушку. Бриджит вдруг вспыхнула и огрызнулась:

– Я не шлюха, мистер Грэбел! Я официантка и тружусь на трех работах, чтобы вернуться в колледж!

Грэбел замер на месте, будто ослепленный фарами олень, и выронил бумаги. У него вдруг не осталось больше вопросов к свидетелю, и он поспешил вернуться на место.

Теперь, когда прозвучало слово «колледж», Джошуа Бэрч почувствовал необходимость допросить юную леди повторно и задал ей вопрос об учебе. Ее мечтой было стать медсестрой, а потом, возможно, и врачом. Мужчины-присяжные могли пофантазировать, как она измеряет им давление.

На самом деле Дорис (ее настоящее имя) было девятнадцать лет, она бросила школу и уже не меньше двух лет удовлетворяла потребности богатых клиентов в комнатах наверху. С ее внешностью и телом она была слишком хороша для работы обычной проституткой и быстро попала в список элитных девушек, за общение с которыми клуб взимал семьдесят пять долларов в час. Ее клиентами чаще всего становились состоятельные мужчины в возрасте.

Джошуа Бэрч быстро с ней закончил, и ее отпустили. Когда она покидала зал суда, большинство присяжных-мужчин провожали ее восхищенными взглядами. Сомневаться в правдивости показаний Бриджит у них не было оснований.

Револьвер тоже можно объяснить. Джошуа сознательно пригласил своего клиента на место для дачи показаний сразу после того, как ушла Бриджит. Невин, с которым адвокат основательно поработал, торжественно нахмурился, обвел взглядом присяжных, положил руку на Библию и поклялся говорить правду, а уж потом начал лгать. Он солгал об игре в покер со своими тремя приятелями, солгал о свидании с Бриджит как раз в тот момент, когда в Фортье и Риту стреляли, солгал и о револьвере. Конечно, он был у него, как и другое оружие.

– Зачем вам так много оружия? – театрально поинтересовался Бэрч.

– Все очень просто, – ответил Нолл со всей серьезностью. – В моей работе как руководителя службы безопасности клуба мне часто приходится разнимать драки и просить особо буйных клиентов покинуть заведение. У них нередко имеются при себе пистолеты и ножи. Иногда я их изымаю. Иногда просто прошу буйных уйти. Особенно непросто бывает вечером в пят-

ницу или субботу, когда посетители не прочь устроить скандал и подебоширить. Некоторые из этих парней возвращаются в клуб на следующий день или позже, извиняются и просят вернуть изъятое оружие. А кто-то так и не появляется. За годы у меня накопилась целая коллекция. Лучшее я оставляю себе, а остальное продаю.

Джошуа Бэрч подошел к столу судебного репортера, взял револьвер «ругер» и передал свидетелю.

– Итак, мистер Нолл, вы узнаете этот револьвер?

– Да, сэр.

– А когда вы впервые увидели его?

Невин, казалось, задумался, вспоминая точную дату, хотя запомнил ее несколькими неделями ранее.

– Ну, мне кажется, это было во вторник после убийства мистера Фортье.

– Расскажите присяжным, как это было.

– Да, сэр. Я находился в «Фокси», где, как обычно, посреди недели все было тихо. Потом зашли два парня, сели за столик в углу и заказали выпить. К ним подсели две наши девушки, и они заказали выпить еще. А потом еще. Затем они повздорили с парнями, игравшими в бильярд, вроде из-за одной из девушек. И с ходу завязалась большая драка – по залу полетели стулья, бутылки, бильярдные кии. Девчонки закричали. Мы попытались утихомирить парней. Я видел, как один сунул руку в карман, готовясь вытащить револьвер – вот этот самый, – но не успел, потому что получил удар кием по голове. Ему разбили голову. Я забрал револьвер, пока он кого-нибудь не убил, и вскоре мы взяли ситуацию под контроль. Первых двоих я вытолкал из клуба, усадил в их машину и велел им больше никогда здесь не появляться. Они были сильно пьяны. А у хозяина револьвера все лицо залила кровь. Я никогда их не видел ни раньше, ни с тех пор.

– И вы сохранили револьвер?

– Да, сэр. Принес домой, почистил. Это очень хорошая вещь, и я ждал, когда владелец вернется в клуб и попросит ее вернуть. Как уже говорил, больше я его не видел.

– Вы можете описать его для присяжных?

Невин пожал плечами. При описании вымышленного персонажа можно говорить что угодно.

– Да, сэр. Примерно моего роста и телосложения, лет тридцати, темные волосы.

– Он сел за руль?

– Нет, сэр. Это была его машина, но ему здорово досталось, и за руль сел его друг.

– А что за машина?

– «Форд-Ферлейн», светло-коричневый.

Пэт Грэбел сидел, повесив голову, не в силах поверить, что его железобетонные доказательства на глазах рассыпались в прах. Алиби не подвергалось сомнению. Бриджит и напарники по покеру со своей задачей справились отлично. А теперь и считавшаяся неоспоримой улика истолкована так, что больше не может считаться доказательством вины.

Обычно прокуроры не имеют возможности подвергнуть перекрестному допросу подсудимых, которые являются известными преступниками и работают на известных гангстеров. Их преступления и послужной список следует держать подальше от присяжных. Однако Невин Нолл только начинал карьеру в преступном мире и еще не был осужден за что-то серьезное или уголовное. Он не сомневался, что сумеет дать Грэбелу достойный отпор при перекрестном допросе.

– Мистер Нолл, а кто является вашим работодателем? – спросил Грэбел.

– Я работаю в ресторане «Фокси» в Билокси.

– А кому принадлежит «Фокси»?

– Мистеру Лэнсу Малко.

- Вы сказали, что возглавляете службу безопасности.
- Это так.
- И в чем состоят ваши обязанности?
- Я отвечаю за безопасность.
- Понятно. А зачем ресторану служба безопасности?
- А зачем она любому бизнесу?
- Вопросы здесь задаю я, мистер Нолл.
- Да, сэр. Спрашивайте.
- Какие проблемы с безопасностью возникают в ресторане «Фокси» в Билокси?
- Ну, я только что описал драку. Время от времени у нас возникают драки, которые надо разнимать, выпроваживать дебоширов.
- Вы сказали, что двое мужчин были пьяны, верно?
- Верно.
- Значит, в «Фокси» подают алкоголь?
- Это вопрос?
- Полагаю, что да.

Нолл расхохотался и посмотрел на присяжных, многие из которых были готовы к нему присоединиться.

– Мистер Грэбел, вы спрашиваете меня, продаем ли мы алкогольные напитки в «Фокси»? Потому что если да, то ответ – да.

– А это незаконно, верно?

Нолл улыбнулся и поднял обе руки.

– Поговорите об этом с моим боссом, ладно? Я не владею этим заведением и не продаю напитки. Вы привлекли меня к суду за убийство, неужели этого мало?

Несколько мужчин-присяжных громко расхохотались, и Нолл снова хмыкнул. По залу мгновенно прокатилась волна веселья, вызывая смех у десятков зрителей.

Несчастный молодой Пэт Грэбел стоял на трибуне, в одночасье превратившись в посмешище: крутой прокурор, чье дело развалилось на глазах.

Через два часа присяжные вернулись в зал суда. Большинство этот процесс, похоже, позабавил. Суд превратился в пародию. Все двенадцать присяжных сочли Невина Нолла невиновным, и на своем первом судебном процессе ему удалось уйти от наказания.

Глава 12

Кит был аутфилдером на правом дальнем поле, он лениво наблюдал за мерцающими в полумраке светлячками, одновременно следя за происходящим вдалеке. На каждой базе уже находился игрок, у питчера ничего не получалось, и всем было наплевать. Игра ничего не значила. Это был не имевший никакого значения турнир, в котором предполагалось участие команд со всего Побережья, но большинство из них отказались. Победителю все равно ничего не светило. Сезон Американского легиона бейсбола завершился, и ребята устали от игр. Родители, похоже, тоже устали, потому что на трибунах было пусто, и лишь несколько скучающих подружек сплетничали, не обращая на игру никакого внимания.

Со стоянки прозвучал гудок, и Кит приветственно взмахнул рукой. За рулем новенького «Понтиака-Гран-при» 1963 года, кабриолета ярко-красного цвета – возможно, самой крутой тачки во всем Билокси на тот момент, – сидел Хью Малко, получивший автомобиль в подарок от отца на свое шестнадцатилетие. Ребята, которые ездили – если, конечно, повезет и разрешат родители – на старых семейных седанах, никогда не видели более чудесного подарка. Конечно, они завидовали, но и были в восторге от возможности прокатиться по улицам города с таким шиком. Хью, похоже, решил выработать весь гарантийный ресурс пробега в двенадцать тысяч миль за первые два месяца. Деньги на бензин у него имелись всегда. Отец платил ему за работу и не скупился, выдавая на карманные расходы.

Свободного времени у Хью было предостаточно. Он отказался от бейсбола и других командных видов спорта и ради удовольствия три дня в неделю посещал тренировки в спортзале Бастера. Он боксировал на турнирах по всему штату и проиграл столько же боев, сколько и выиграл, но ему нравились острые ощущения на ринге. Он гордился тем, что выходит на ринг, а его друзья – нет. Они его поддерживали, но самим надеть перчатки им было слабо.

К правой линии поля высоко летел отбитый мяч, и Кит, спокойно его приняв, широкими шагами доставил до базы, чем завершил игру. Десять минут спустя он уже находился на заднем сиденье «Понтиака» – они ехали к пристани. Хью старался не разгоняться после того, как за неделю до этого получил второй штраф за превышение скорости. На переднем сиденье устроился Дэнни Смит, отвечавший за холодильник для пива. Рядом с Китом сзади расположился Джоуи Грейсик, еще один парень из Пойнт-Кадет, вместе с которым Хью и Кит пошли в первый класс. Отец Джоуи был моряком, который зарабатывал на жизнь рыбной ловлей. У него имелось несколько катеров, в том числе двадцатипятифутовый, «Каролина Скиф», который ребята одолжили для прогулки на Шип-Айленд. Родители дали согласие на их ночевку там в палатках.

Выгрузив все из багажника «Понтиака», они перенесли снаряжение и холодильники на катер. Хью очень не хотелось оставлять новую машину на стоянке у пристани, но выбора у него не было. Полюбовавшись на автомобиль, он стер пятно грязи с заднего бампера, затем запер дверцы, прошел по причалу и запрыгнул на отплывающий катер. Начальник порта свистнул Джоуи и велел ему снизить скорость. Тот так и сделал. Они открыли еще по одной банке пива. Вскоре катер оказался в проливе Миссисипи, огни города постепенно удалялись и гасли позади.

Шип-Айленд представлял собой узкую полосу земли в тринадцати милях от берега. Это был барьерный остров, принимавший на себя основной удар многих ураганов, налетавших на Побережье, но в промежутках между штормами сюда приезжали на экскурсии и туристы, проводившие на нем весь день. По выходным семьи устраивали тут пикники. Ходили паромы с экскурсиями для туристов и местных жителей. Подростки с удовольствием играли и озорничали здесь. Солдаты проводили на острове пьяные выходные, и их вечеринки постоянно становились предметом жалоб.

Четверо друзей хорошо знали остров и рыбачили в его водах с детства. На катере «Каролина Скиф» с небольшим подвесным мотором до него было всего час езды. Раздевшись до шорт, они устроились на палубе, пока катер рассекал волны залива, и, отхлебнув пива, закурили. Кит обычно не курил, но время от времени позволял себе одну сигарету «Мальборо». Помимо Хью с его боксом, серьезно спортом занимался только Кит. Приближался его первый год в старшей школе, и у него появилась возможность стать квотербеком. Изнурительные тренировки по два раза в день были не за горами, и он хотел привести себя в форму. Он рассчитывал, что при такой жаре и влажности пиво, казавшееся необыкновенно вкусным, благополучно выйдет через поры кожи. При рывках в беге сама мысль о сигарете вызывала у него рвотные позывы. Но пока он наслаждался своими маленькими слабостями. Мальчикам было по шестнадцать лет, и они пребывали в полном восторге от того, что на выходных предоставлены сами себе и могут делать практически все, что захотят.

Капитан их катера Джоуи играл в бейсбол в Малой лиге против Кита и Хью, но в команду звезд так и не попал. Как и его отец, он предпочитал проводить время на лодке, желательно выслеживая промысловую рыбу. Дэнни Смит никогда не интересовался командными видами спорта, потому что двигался медленнее всех учащихся школы Билокси. Он серьезно занимался музыкой и умел играть на нескольких инструментах. Пока катер медленно приближался к острову, Дэнни вытащил гитару и принялся что-то тихо наигрывать.

Все знали, что Хью крутился возле клубов, вход в которые был им строго запрещен. Он не был хвастуном, но дал понять, что уже был близок с некоторыми девушками, работавшими в семейном бизнесе. Хью никогда не рассказывал своим друзьям о Синди и не признался бы под дулом пистолета, что сильно влюбился в юную проститутку. Теперь эта история осталась в прошлом, а он переключился на других девушек под постоянным присмотром Невина Нолла. Ребята в шутку обсуждали, как бы пробраться с ним в какой-нибудь клуб и поглазеть на стриптизерш. Хью, однако, знал, что на самом деле они мечтают об этом, и был полон решимости как-нибудь показать им комнаты наверху.

Дэнни наигрывал «Твое лживое сердце» – песню, которую исполнял Хэнк Уильямс, известный певец, несколько раз выступавший в Хорватско-американском культурном центре Билокси. Хэнка отлично знали и в барах, а о его пьяных выходках ходили легенды. Ребята громко и фальшиво подпевали. Светила полная луна, было тихо, и никаких других судов, кроме их катера вокруг. Возле берега Джоуи поднял подвесной мотор, и «Каролина» тихо ткнулась носом в песок пляжа. Перетащив вещи на берег, парни разбили две палатки и развели костер, а потом разложили на решетке гриля четыре толстых стейка рибай. Конечно, каждый считал, что знает лучше других, как их правильно приготовить. Когда мясо прожарилось, парни с удовольствием приступили к трапезе, запивая стейки пивом. Наевшись, они болтали до полуночи, любуясь прибором и слушая тихий плеск волн. В ста ярдах к востоку горел еще один костер, а с запада доносился женский смех.

Они заснули поздно и проснулись от жаркого солнца. Искупавшись, отправились на разведку и встретили девушек. Те были немного старше, и в компании парней. Они приехали из Пасс-Кристиан, маленького городка в двадцати милях к западу от Билокси, и держались дружелюбно, дав, однако, понять, чтобы их не беспокоили.

Джоуи провел приятелей по острову к пирсу, куда только что причалил паром с туристами. На пирсе продавались хот-доги и газированные напитки, и ребята, перекусив, смотрели, как причаливают и отплывают катера. Возле старого форта они увидели группу военнослужащих ВВС, шумно игравших в пляжный волейбол. У них было полно пива, и они пригласили новых гостей составить им компанию. Военным было лет по двадцать, они приехали из разных уголков страны и не стеснялись в выражениях. Кит подумал, что лучше вежливо отказаться, но Хью захотел поиграть. После часа игры на жарком солнце было решено сделать перерыв на пиво и купание в океане.

Ближе к вечеру ребята вернулись в свой лагерь и устроили себе долгую сиесту. Они устали, обгорели на солнце, выпили слишком много пива, что привело к обезвоживанию, поэтому имело смысл восстановить нарушенный баланс. Когда солнце село, они развели костер и зажарили на ужин хот-доги.

Рано утром в воскресенье Хью всех поднял и сказал, что им нужно торопиться. На выходные было запланировано еще одно мероприятие, о котором они слышали, но никогда не видели. Ребята сняли лагерь, оттолкнули «Каролину» от берега и направились к маяку Билокси. Через час они причалили к пристани и разгрузились. Хью порадовался, увидев свою новую блестящую машину на месте целой и невредимой. Он повез их из города на север по автостраде номер 49 и через несколько миль свернул на проселочную дорогу, которая вела в глубь сосновой рощи. Вдоль покрытой гравием дороги было беспорядочно припарковано множество легковых машин и пикапов. Приехавшие на них мужчины направлялись к старому амбару с облупившейся жестяной крышей. Хью тоже припарковался, и все направились к амбару, но вскоре их остановил охранник с дробовиком.

– Вы еще не выросли, чтобы попасть сюда, – рявкнул он.

Ничуть не растерявшись, Хью ответил:

– Нас пригласил Невин Нолл.

Сразу подобрев, охранник кивнул:

– Ладно, ступайте за мной.

Из амбара доносились голоса и крики возбужденных мужчин. У входа ждала очередь. Охранник подвел их к боковой двери, велел подождать, после чего исчез внутри.

– Это все еще незаконно, верно? – поинтересовался Джоуи.

– Еще как! – со смехом ответил Хью. – Лучшие петушиные бои на Побережье.

Появился Невин, и Хью представил его трем друзьям. Они о нем слышали раньше – Хью много о нем рассказывал.

– Ребята, держитесь сзади, подальше от толпы, – предупредил Невин. – Сегодня утром аншлаг.

Они прошли в узкую дверь и оказались в другом мире.

Амбар превратили в арену для петушиных боев. В самом центре располагалась большая, заполненная песком круглая площадка площадью около двадцати квадратных футов. Она была окаймлена дощатым барьером в два фута высотой, чтобы петухи не могли убежать, а поверх него тянулась узкая стойка, на которую зрители с первого ряда могли опереться локтями или поставить напитки. Позади возвышались ярусы со скамейками, с которых зрители смотрели вниз на происходящее. За последним рядом скамеек, в проходах и у выходов в беспорядке стояли шезлонги, старые театральные кресла, церковные скамьи, табуреты, бочки и прочее, на чем тоже можно было сидеть. Присутствовали здесь только мужчины, теснившиеся плечом к плечу. Над площадкой висел толстый слой сигарного и сигаретного дыма, который тщетно пытались разогнать несколько больших корпусных вентиляторов. Температура на улице была не меньше тридцати двух градусов, а возле площадки еще выше. Многие жевали табак, и кое-кто из зрителей на передних сиденьях сплевывал прямо на песок. Почти у каждого в руке был высокий бумажный стаканчик с напитком, а бутылки передавались по кругу.

Мужчины вели себя шумно, громко разговаривали и даже добродушно покрикивали друг на друга через площадку. Все ждали следующего боя, и их настроение вот-вот должно было измениться. За секцией сидений в одном из углов два человека в белых рубашках и галстуках трудились за прилавком, получая наличные, записывая ставки и отчаянно пытаясь держать азарт под контролем. В другом углу голоса стали громче, послышались крики, и из внешних загонов вышли два хендлера и направились к площадке. У каждого в руках был петух, и, вступив на площадку, они высоко подняли птиц, чтобы толпа могла ими полюбоваться.

Петухи от природы агрессивны по отношению ко всем самцам одного и того же вида. Хорошие заводчики выбирали самых крупных и быстрых и разводили их снова и снова, добиваясь увеличения силы и выносливости. Они тренировали их, заставляя бегать длинные дистанции и преодолевать полосу препятствий, пичкали стероидами и адреналином, чтобы повысить шансы на победу. Для повышения агрессивности их две недели до боя держали в изоляции в небольших темных ящиках. Оба хендлера проявляли крайнюю осторожность, потому что на ногах их петухов были закреплены острые как бритва стальные шпоры – смертоносное оружие, похожее на маленькие изогнутые ледорубы.

Джентльмен в черной ковбойской шляпе и такого же цвета галстуке-бабочке громким голосом призывал всех делать ставки.

– Это Фил Аркрайт, владелец этого места. Зарабатывает здесь кучу денег, – пояснил Хью.

– А ты бывал тут раньше? – спросил Кит, заранее зная ответ.

– Пару раз, – улыбнулся тот. – Невину нравятся эти бои.

– А как насчет твоего отца? Он в курсе?

– Скорее всего.

Они стояли позади заднего ряда и смотрели на площадку внизу. Хью чувствовал себя как дома, а остальные глядели во все глаза, не в силах поверить, что действительно оказались здесь. Двое хендлеров сошлись в центре ринга, присели на корточки, позволили петухам соприкоснуться клювами, после чего отпустили их. Петухи набросились друг на друга и яростно заработали клювами, отчаянно кукарекая. Они неистово катались по песку, разбрасывая перья. Одному удалось прижать противника к земле и нанести удар обеими шпорами. Раненая птица вскочила, и на груди у нее показалась кровь. Они продолжили обмениваться ударами и наносить друг другу раны, ни один не желал сдаваться. Петух, на котором было больше крови, начал слабеть, и второй усилил натиск, чтобы его добить. Одна половина зрителей жаждала больше крови, другая требовала перерыва. Молча не сидел никто.

Правила не предусматривали никаких раундов или остановок. На арене Аркрайта все бои заканчивались смертью.

Когда побежденный перестал шевелиться, Аркрайт вышел на площадку и жестом подзывал хендлера победителя, чтобы тот забрал свою птицу. Тому удалось благополучно поймать петуха, не получив порезов, после чего он высоко поднял птицу, призывая толпу наградить ее аплодисментами. Бойцовому петуху, казалось, было наплевать на восторги толпы. Он вытянулся посмотреть на умиравшего на песке противника и все порывался освободиться и добить его. Появился хендлер неудачника с холщовым мешком, аккуратно подхватил петуха и утащил под свист игроков, поставивших на него хорошие деньги. Хозяину предстояло его съесть на ужин.

К игровому столу спускались группки мужчин, желавших забрать выигрыш. Мальчик-подручный разравнивал граблями песок, чтобы убрать следы крови. Вновь закурили сигары, а по рядам пошли бутылки с пивом.

– Парни, хотите поставить? – спросил Хью.

Все трое покачали головами.

– А что об этом думают копы? – поинтересовался Джоуи.

Хью усмехнулся и показал на площадку.

– Видишь, в первом ряду напротив здоровяка в полосатой рубашке и зеленой кепке? Это наш любимый шериф Фэтс Боуман. Место закреплено за ним постоянно. Он здесь каждое воскресенье, за исключением года выборов, когда он время от времени ходит в церковь.

– Так это и есть Фэтс Боуман? – переспросил Дэнни. – Никогда его раньше не видел.

– Самый продажный шериф в штате, – сказал Хью, – но и самый богатый. Смотри, сейчас пора делать ставки, следующий бой будет центральным. В окрестностях Уиггинса есть завод-

чик, который выращивает самых злобных птиц в штате. У него есть новый уайтхэкл по кличке Элвис, который считается непобедимым.

– Уайтхэкл? – переспросил Кит.

– Да, это одна из самых популярных пород бойцовых петухов.

– Понятно.

– Элвис? – удивился Джоуи. – У них что, есть имена?

– У некоторых. У Элвиса черный хохолок, и он считает себя неотразимым. Он сражается с Хэтчем из Луизианы и является фаворитом три к одному. Я поставлю пять баксов на Хэтча. Получу пятнадцать, если выиграю. Кто-нибудь хочет составить компанию?

Все трое снова отказались и потом лишь смотрели, как Хью пробирается сквозь толпу и направляется к игровой конторке. Наверное, он считал, что ему точно повезет, поскольку принес с собой четыре бутылки пива «Фальстаф».

Перед центральным боем в зале стало еще громче. Зрители выстраивались в очередь, желая сделать ставки, и Фил Аркрайт их поторапливал, потому что петухи начинали нервничать. Наконец они появились. Хендлеры крепко держали их за прижатые крылья, чтобы не вырвались. Увидев друг друга, птицы яростно затрепыхались. Обе породы были известны беспощадностью в схватке насмерть и не умели сдаваться.

Хью, поставивший деньги на кон, начал кричать точно так же, как все вокруг, будто петух, находившийся на расстоянии не меньше ста футов, мог его понять. Тот, кого звали Элвис, совсем не был похож на певца, если не считать полоски густого черного оперения, которая поднималась по шее и заканчивалась на голове. Его похожие на лезвия бритвы шпоры блестели, будто отполированные.

Позволив клювам птиц соприкоснуться, хендлеры быстро удалились. Толпа заревела, подбадривая петухов, сражавшихся на песке. Петухи закричали и набросились друг на друга, показалась первая кровь. Элвис был чуть повыше и использовал свой рост, чтобы яростно клевать противника. Хэтч сбил его с ног, перевернул и, казалось, был готов добить, но тут Элвис неожиданно взлетел, приземлился Хэтчу на спину и пустил в ход обе шпоры. Тот вдруг покрылся кровью, и ему никак не удавалось отскочить в сторону, чтобы собраться с силами и дать отпор. Элвис, почуввав быстрый нокаут, усилил натиск. Наконец, Хэтчу удалось увернуться, но он уже с трудом держался на ногах. Было видно, что он тяжело ранен. Зрители, по крайней мере те, кто поставил деньги на Хэтча, были ошеломлены, с какой скоростью Элвис расправился с их петухом. Он бросился на Хэтча, развернул его и, будто заправский мастер боевых искусств, полоснул ему шпорой по горлу, почти обезглавив.

Это был кровавый спорт, и смерть составляла его неотъемлемую часть. Аркрайт был не из тех, кто проявляет сочувствие и лишает толпу жестокого зрелища, поэтому он позволил Элвису поглумиться над своим противником еще несколько секунд. Расправа длилась меньше минуты.

Хью не находил слов, и приятели решили его расшевелить.

– Хорошая ставка, Хью, – одобрительно произнес Кит со смехом.

– Этот бой ну никак нельзя назвать честным, – добавил Джоуи.

Хью, всегда ценивший хорошую шутку, поднял обе руки, сдаваясь, и сказал:

– Ладно, ладно. Вы, ребята, хотите научить меня ставить? Давайте сделаем дополнительную ставку на следующий бой. По одному доллару каждый.

Но у них было слишком мало денег, чтобы играть в азартные игры. Они допили пиво, посмотрели еще несколько боев и направились обратно к машине. Длинные выходные подошли к концу.

Они никому не расскажут о своем визите к Аркрайту, хотя Лэнс Малко узнает об этом достаточно скоро. Он действительно не придавал этому значения. Хью было всего шестна-

дцать, но для своего возраста он был развит не по годам и, безусловно, мог о себе позаботиться. Он не проявлял никакого интереса к колледжу, и Лэнса это тоже устраивало.

Мальчик был нужен в семейном бизнесе.

Глава 13

Через два дня после Дня благодарения в 1966 году тело Маркуса Дина Поппи было найдено в переулке за борделем на Декейтер-стрит во Французском квартале. Его избили тупым предметом и прикончили двумя пулями в голову. В карманах у него ничего не нашли – ни бумажника, ни документов. Как и следовало ожидать, никто в борделе не признался, что видел его раньше. Никто не слышал в переулке ни звука. Полиции Нового Орлеана потребовались две недели, чтобы опознать Поппи, и к тому времени всякая надежда найти его убийцу исчезла. Это был опасный город, в котором то и дело совершались преступления, и копы привыкли находить на улицах трупы. Детектив побывал в Билокси и составил краткую справку об убитом, который некогда владел салоном «Карусель», но уже три года, как его в городе не видели. В Техасе нашли его брата, которому сообщили о гибели Поппи, но забирать тело тот отказался.

«Галф-Коуст реджистер» все-таки разместил информацию об этом убийстве, но заметку в левом нижнем углу третьей страницы было легко пропустить. Репортеру удалось связать убийство Поппи с убийством Эрла Фортье в 1963 году. Тогда состоялось судебное разбирательство, на котором Невин Нолл был оправдан.

Новость не вызвала абсолютно никаких обсуждений. Люди, которые когда-то были знакомы и с Поппи, и с Фортье, либо давно уехали, либо скрывались. Те, кто прочитал заметку и знал игроков преступного мира Билокси, решили, что Лэнс Малко наконец-то рассчитался с ним за один старый долг. Всем было известно, что Поппи его надул, продав «Карусель» Джинджер Редфилд и ее банде, и наказание Лэнсом своего обидчика было лишь вопросом времени. Ночной клуб и казино «Карусель» стали пользоваться растущей популярностью и соперничали с «Фокси» и «Красным бархатом», и Малко не терял надежды стать их хозяином. Джинджер отличалась жесткой деловой хваткой и отлично всем управляла. Помимо клуба «О’Мэлли» она открыла еще один на Стрипе и пару баров в северной части города. Она была амбициозна и по мере расширения своей империи неизбежно заходила на территорию, которая, по мнению Лэнса Малко, принадлежала ему по праву.

Надвигалась разборка. В воздухе висело напряжение, и обе банды настороженно следили одна за другой. Фэтс Боуман знал, что происходит на улицах, и предостерег криминальных авторитетов от развязывания открытой войны. Как человек алчный, он желал появления большего количества клубов, роста популярности азартных игр и всего такого, но был достаточно умен, чтобы понимать необходимость ведения бизнеса в мирном русле. Если вдруг начнется стрельба, то удержать ситуацию под контролем точно не удастся. Черт, они же все зарабатывали, и зарабатывали много, так неужели им этого мало и не страшно все поставить под угрозу? Бандитские перестрелки лишь разозлят общественность, привлекут нежелательное внимание и, не исключено, заставят вмешаться полицию штата и федералов.

Джесси Руди, прочитав статью об убийстве Поппи, отлично понял, что произошло. Еще одно свидетельство беззакония, которое набирало силу в его городе. И он решил, что мириться с этим больше нельзя.

Кит был дома на рождественских каникулах, когда одним вечером после ужина Джесси и Агнес собрали своих четверых детей в гостиной, чтобы поговорить. Беверли было шестнадцать, Лоре пятнадцать, и обе учились в старшей школе Билокси. Тринадцатилетний Тим заканчивал учебу в средней школе.

Джесси сказал, что они с матерью много говорили о будущем и приняли решение, что на выборах в следующем 1967 году он будет баллотироваться на должность окружного прокурора. Нынешний окружной прокурор Рекс Дубиссон занимал эту должность уже второй срок и будет сильным соперником. У него имелись тесные связи со старой гвардией, которая щедро профинансирует его избирательную кампанию. Его поддержат многие местные юристы и выборные

должностные лица. Но самое главное – на его стороне выступают владельцы ночных клубов, бандиты и прочие преступные элементы, которые годами контролировали местную политику. Они все дружили семьями.

Джесси рассчитывал получить поддержку избирателей, стоящих на стороне закона, а таких наверняка большинство. Но имелось немало и тех, кто на словах призывал к реформам, а на деле был доволен разгульной жизнью на Побережье. Им нравились фешенебельные клубы, изысканные рестораны с коктейлями и картами вин, а также бары, окружавшие Стрип. Немало политиков выступало с обещаниями реформ только для того, чтобы после избрания влиться в ряды коррупционеров. Были, конечно, и те, кто не поддался соблазну и сохранил порядочность, но при этом ни во что не вмешивался. Джесси не хотел стать одним из них.

Кампания обещала быть напряженной и, не исключено, опасной. Как только криминал поймет, что проведение реформ для Джесси не пустые слова, возможны угрозы и запугивание. Он никогда бы не стал рисковать благополучием своей семьи, но серьезно сомневался, что кто-то осмелится от слов перейти к делу. Понятно, что на него будут оказывать постоянное давление, что избирателей будут обрабатывать, очерняя его и навешивая ярлыки.

Кит, самый старший из детей и их бесспорный лидер, заговорил первым и сказал, что ни черта не боится. Он гордится решением родителей и с нетерпением будет ждать начала кампании. В колледже он часто слышал от других студентов одобрительные отзывы о жизни в Билокси. Большинство из них романтизировали нелегальные развлечения и пороки, которые здесь процветали. Многие посещали клубы и бары, не задумываясь о темной стороне Стрипа. Но встречались и те, кто смотрел на любого выходца из Билокси с подозрением.

Поскольку идея получила одобрение Кита, то Беверли, Лора и Тим тоже выразили согласие. Они справятся с любыми насмешками и язвительными замечаниями в школе. Они гордились отцом и поддержали его решение.

Джесси попросил их пока держать это в тайне. О своем выдвижении он официально объявит примерно через месяц, а до этого – ни слова. Выборы окружного прокурора должны были состояться во время предварительных выборов демократов в августе, так что их ждет напряженное лето.

Когда разговор закончился, все взялись за руки, и Джесси прочитал молитву.

Двумя днями позже Кит встретился со старыми друзьями в новом баре в центре города. Штат, наконец, изменил свои устаревшие законы о спиртных напитках и позволил каждому округу решать самому, продавать алкоголь или нет. Неудивительно, что округа Побережья – Гаррисон, Хэнкок и Джексон – быстро проголосовали «за». Магазины спиртных напитков и бары вскоре развернули бойкую торговлю. Лицам старше восемнадцати лет разрешили пить спиртное. Это нанесло удар по нелегальному обороту алкоголя, однако криминал восполнил потерю прибылей продажей марихуаны и кокаина. Азартные игры и проституция продолжали пользоваться спросом. Криминальный бизнес на Стрипе процветал.

Хью работал на отца и руководил строительной бригадой, которая занималась возведением жилых домов. Во всяком случае, так он сказал. Но остальные ему не поверили, решив, что он по-прежнему связан с клубами. Джоуи Грейсик служил на флоте и приехал домой в отпуск. Дэнни Смит учился на дневном отделении местного колледжа и ни разу не покидал родных мест.

Четверо друзей заняли столик, заказали кувшины пива и закурили. Джоуи рассказывал о начальной подготовке в Калифорнии, где ему очень нравилось. Если повезет, то он получит назначение на подводную лодку и не попадет во Вьетнам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.